

ISSN 2414-4452

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 3 (15), 2018

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2018

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 3 (15), 2018

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Musienko Sergey Aleksandrovich

Executive editor: Manotskova Nadezhda Vasilyevna

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department “Foreign languages - 5”

Ansimova Olga Konstantinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Russian language

Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G"
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 3 (15), 2018

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры "Ино-
странные языки - 5"

Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка, Новосибирский государственный технический университет

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

CONTENTS

Philological Sciences

Kurbonova G.S.
THE NATIONAL AND UNIVERSAL FEATURES
OF PROPER NAMES IN THE COMPOSITION
OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN FRENCH AND UZBEK LANGUAGES 8

Rofiyeva G.Yu.
THE PHILOSOPHICAL PARADIGM OF METAPHOR 12

Literary Studies

Byčkov Jiří
JIRI WEIL AND HIS BRAVE STRUGGLE FOR SUSTAINING OF ARTISTIC TRUTH
AND HUMANITY IN THE MIDDLE OF NAZI AND STALINIST DICTATORSHIP 16

Russian Literature

Egorova K.M.
THE RUSSIAN LITERARY CANON IN SCHOOL EDUCATION 26

Linguistics

Blizniuk-Biskup Ye.V.
TRANSLATION ISSUES OF THE NOMINATIONS
OF INCIDENTAL CHARACTERS IN THE N.V. GOGOL'S NARRATION 32

Kaluźna Agnieszka
LITERAL VS. FREE TRANSLATION METHODS
ON THE BASIS OF TWO EIGHTEENTH CENTURY RENDITIONS 37

Krasina M.N.
METAPHOR AS A SPIRITUAL CONNECTION BETWEEN LANGUAGE AND MYTH 49

Sagov R.Z.
THE ETHNIC AND CULTURAL TIES OF INGUSH ACCORDING TO THE LANGUAGE DATA 54

Taghiyev I.A.
THE STRUCTURAL-SYNTACTIC AMBIGUITY AND SUPRA-SEGMENTAL MEANS 58

The Russian Language

Mikhailova G.A.
THE ISSUES OF STUDYING RUSSIAN LANGUAGE IN BULGARIA AND ROMANIA 63

Comparative Historical, Typological and Comparative Linguistics

Dmitriyeva Yu.V.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE VERBALIZED PHRASES

WITH THE COMPONENT "EYE" IN THE ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES 68

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

Курбонова Г.С.
 НАЦИОНАЛЬНЫЕ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
 ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
 ЕДИНИЦ ФРАНЦУЗСКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ..... 8

Рофиева Г.Ю.
 ФИЛОСОФСКАЯ ПАРАДИГМА МЕТАФОРЫ..... 12

Литературоведение

Бычков Иржи
 ИРЖИ ВАЙЛЬ И ЕГО ХРАБРАЯ БОРЬБА ЗА СОХРАНЕНИЕ
 ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАВДИВОСТИ И ЧЕЛОВЕЧНОСТИ
 НА ФОНЕ НАЦИСТСКОЙ И СТАЛИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ..... 16

Русская литература

Егорова К.М.
 РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАНОН В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ..... 26

Языкознание

Близнюк-Бискуп Е.В.
 ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НОМИНАЦИЙ ЭПИЗОДИЧЕСКИХ
 ПЕРСОНАЖЕЙ В ГОГОЛЕВСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ..... 32

Калюжная Агнешка
 ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕТОД ПЕРЕВОДА В ПРОТИВОВЕС СВОБОДНОМУ
 МЕТОДУ, ОСНОВАННЫЕ НА ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ XVIII ВЕКА 37

Красина М.Н.
 МЕТАФОРА КАК ДУХОВНАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ЯЗЫКОМ И МИФОМ 49

Сагов Р.З.
 ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ИНГУШЕЙ ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА 54

Тагиев И.А.
 СТРУКТУРНО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ
 ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ И СУПРА-СЕГМЕНТАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА 58

Русский язык

Михайлова Г.А.
 ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В БОЛГАРИИ И РУМЫНИИ 63

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Дмитриева Ю.В.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЕРБАЛИЗОВАННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ
С КОМПОНЕНТОМ «ГЛАЗА» В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ 68

УДК 80

НАЦИОНАЛЬНЫЕ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ФРАНЦУЗСКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ

Г.С. Курбонова, старший преподаватель, научный сотрудник,
исследователь кафедры французской филологии
Национальный университет Узбекистана (Ташкент), Узбекистан

***Аннотация.** В данной статье рассматривается национально-культурная специфика фразеологизмов с антропонимическим компонентом французского и узбекского языков. Имена собственные в составе фразеологических единиц подразделены на три группы: а) ФЕ, с компонентом мужских и женских имён; б) ФЕ, связанные с историческими лицами и ФЕ восходящие к библейскому сюжету; в) ФЕ, взятые из литературных источников и восходящие к античной истории.*

***Ключевые слова:** имена собственные, фразеологические единицы, национальный характер, историко-культурный аспект, антропоним, образный речь, ассоциативный реалия, образная фразеология, лингвокультурная общность.*

Тесная связь фразеологии с историей, культурой и бытом того или другого народа общеизвестна, так как в ней воплощены его дух, психология и способ мышления. Ш. Балли отмечал, что одной из главных предпосылок возникновения образной речи является свойство человеческого ума уподоблять абстрактные понятия предметам чувственного мира с целью их познания. Самый обычный образ проливает свет на психический склад целой общественной группы и на структуру человеческого мышления вообще. Разнообразие самого чувственного (или материального) мира и несовпадение представлений о нем у разных народов обуславливает специфику образных ассоциаций, возникающих на основе реально существующих или вымышленных предметов и закрепляющихся в языке данной общности. Как справедливо отмечает Н.Г. Соколова, что: «Специфические образные ассоциации, которые фиксируются во фразеологических единицах разных типов, ярче выражены у далёких в этническом и языковом отношении народов, у родственных этносов они могут быть внешне не так заметными. Именно поэтому образная фразеология представляет собой важный компонент общих фоновых знаний, обязательных для носителей языка, ведь в ее основе часто лежат постоянные ассоциативные реалии, которые являются результатом образного переосмысления предметов и явлений действительности» [4, С. 89].

Национально-культурная специфика фразеологических единиц (ФЕ) одного языка наиболее ярко проявляется при сопоставлении с устойчивыми словосочетаниями другого языка. «Фразеология тесно связана с историей, культурными традициями и литературой народа, говорящего на данном языке. Эта связь наиболее чётко прослеживается в тех ФЕ, в состав которых входит ИС» [2, С. 101]. Имена собственные в составе ФЕ теряют свои основные

признаки, становясь нарицательными. И каждая лингвокультурная общность связывает с тем или иным именем свои представления. Имена собственные в составе ФЕ могут отражать национально-культурную специфику народа можно условно подразделить на 3 группы.

В первую группу мы отнесём имена собственные с фразеологическим компонентом традиционные, популярные мужские и женские имена. Так, во французском языке имя *Jean* (*Gros Jean*) связано с представлением о недалеком наивном человеке: (*être [или redevenir, rester] (Gros-)Jean [или gros Jean] comme devant*) *остаться у разбитого корыта – тешик тогора олдида қолмоқ; Jean de la suite- трубочист; quand Jean bête est mort, il a laissé bien des héritiers (prov.) – дураков на свете много; дураков не сеют, не жнут – они сами родятся – ахмоқ ҳар доим топилади; Jean farine Jean fait tout; Jean logne; Jean lorgne; Jean tout à droit – Жан простак “соддадил, гўл”*. **Jacques** прозвище французских крестьянинов, люди сохранили память о Жакерии в мае 1958 году: “*faire le Jacques*” – *валять дурака, прикидываться дураком ахмоқлик қилиб юрмоқ, ўзини ахмоқликка солмоқ*. Выражение Paul va Jacques, Paul va Pierre употребляется в значении каждый встречный, а на узбекский язык можно передавать со значением следующего фразеологизма – “дуч келган, ҳар бир ўткинчи”. В узбекском языке часто встречается ФЕ самые распространённые имена Али и Вали, Норкузи, Толиб, Эшмат, Ташмат, например: *Али десанг Вали деб туради* (“Скажешь (ему) “Али”, (он) ответит “Вали” (т.е. будет твердить своё)”), “*Қишлоқда одам қолмаса, эчкининг оти мулла Норқўзи бўлади*”. (“Когда в селе никого не осталось, козла стали величать муллою Норкузи”).

Ко второй группе принадлежат ФЕ, содержащие в себе имя собственное, отражающие отдельные исторические события, связанные с историческими личностями: *Couleur Isabelle (isabelle) – бледно-жёлтый цвет “оқ-сарик ранг”; faire Charlemagne – выйти из игры после выигрыша* (букв. поступить, как Карл Великий) “*ютқазгандан сўнг ўйиндан чиқмоқ*”; *Jean des vignes – хамма балога тўғаноқ одам; бошқаларнинг гуноҳига жавобгар бўлиб колган одам. Lent comme Jean de Lagny – очень медлительный* (букв.: очень медлительный как Жан де Лан). “жуда секин”.

Также во французском языке можно встретить ФЕ, ИС в которых обозначает реальное лицо из истории других народов:

Bichede Sertorius – Лань Сертория; ставка на суеверие (древнеримский полководец Серторий, чтобы подчинить солдат своему влиянию, убедил их в том, что живущая у него лань дарована ему самой богиней Дианой). Сертория буғуси; ирим-сиримга ишониш.

Oreillede Denys – Уши Диониса (сиракузский тиран Дионис устроил особые отверстия в сводах тюрьмы, чтобы подслушивать, о чём говорят узники) – Дионис кулоқлари

Langue Esope – Эзопов язык – Эзоп тили кинояли, рамзли тил.

Узбекский язык сохранил следующие ФЕ с именем реального лица:

“*Аёз, ўтган кунинг унитма, эски чоригингни қуритма!*” Аяз, не забывай свои прошлые дни, сохрани свои старые башмаки! (Основана на предании о пастухе Аязе, ставшим царём и повесившим в комнате свой пастушеский наряд, чтобы не возгордиться.) “*Даққионусдан қолган*” – говорится о давно прошедших событиях; “*Соғ Сукротнинг кераги йўқ*” – “Умному человеку Сократ не нужен”.

Также целый пласт интернациональных ФЕ, входящие в библейский сюжет употребительны и по сей день, приобретая, нередко, новое содержание: *ФЕ, связанные с библейскими персонажами: pauvre comme Job – «бедный как Иов»; baiser de Judas – «поцелуй Иуды»; ФЕ, связанные с служителями церкви: les épousesde Jésus-Christe (du Seigneur) – Христовы невесты (монахини)* и т.д.

В узбекском языке обнаружены только ФЕ с именем пророка Мухаммеда, что обусловлено исповеданием народа, говорящим на этом языке, ислама – религии, основной догмой которой является поклонение единому богу – Аллаху и признание Мухаммеда его посланником. Например, “*Сулаймон ўлди, девлар қутилди*” *Саломон умер, великаны освободились*; “*Мол молга етгунча Азроил жонга етади*” – *пока накопишь добро, Азраил возьмёт*

твою душу; “Олимники ўртада, Холимники халтада” – “То, что у Алима – для всех, то у Халима – в его торбе”.

Таким образом, восприятие фразеологизма в национальном языке может быть формальным, когда оборот рассматривается либо как единица языка, либо как единица культуры, и функциональным, когда фразеологизм анализируется одновременно с позиции языка и культуры.

В третью группу входят ФЕ с именным собственным из литературных источников. В основе многих ФЕ лежат ассоциации, связанные с национально-культурными реалиями литературного, фольклорного характера. Многие фразеологизмы литературного происхождения связаны, прежде всего, с древнегреческой и древнеримской литературой: *la boîte de Pandore* – «ящик Пандоры»; “Пандора яшиги, ёвузлик қуттиси”; *le lit de Procruste* – «прокрустово ложе» – “прокруст тўшаги (тўғри келса-келмаса ҳаммасини бир андазага солиш)”; *le travail de Sisyphe* – «сизифов труд» – “тинимсиз оғир ва беҳуда иш”.

Многие фразеологизмы восходят к античной истории: *franchir / passer le Rubicon* «перейти Рубикон» – связан с походом Юлия Цезаря – қатъий ҳаракат қилмоқ, кескин иш қилмоқ; *brûler les vaisseaux* «сжечь корабли»; *victoire à la Pyrrhus* «пиррова победа» – намёк на греческого царя Пирра, который в 279 году одержал над римлянами победу, стоившую ему огромных потерь – “жуда қимматга тушган галаба, қўп талофат бериб эришилган галаба”; *trancher/ couper le noeud Gordien* «разрубить гордиев узел» – “чигал масала, мушукул аҳвол” и т. д.

Таким образом, фразеология, как и язык в целом, хранит не только национальные, но и интернациональные фоновые знания. ФЕ в разных языках плотности не совпадают в плане содержания и в плане выражения. Например, полностью эквивалентны, как по компонентному составу, так и по содержанию и грамматической структуре (глагол + предикат + существительное) французский фразеологизм “*Au temps du roi Dagobert Guillemont*” и русский “старые времена” узбекский “Даққиюнус замонида”; “*enfant d'Adam* чада Адамовы” – “люди” “Одам Ато фарзандлари, инсонлар”; “*ami de Platon, mais plus encore de la vérité*” – [на латыни: *amicus Plato, sed magis amica veritas*] – Платон менинг дўстим, бироқ ҳақиқат қадрлироқ.” и т. д.

Глубокое изучение взаимодействия фразеологических универсалий и специфики ФЕ разноструктурных языков по-прежнему важно, как для общей теории лингвистики, так и для методики преподавания иностранного языка.

Изучение фразеологических единиц несомненно важно, особенно для решения ряда некоторых общетеоретических проблем фразеологии, а также для сравнительно-типологического анализа фразеологии двух или более языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В.Г. Гак. – Л., 1989.
2. Леонович, О.А. Очерки английской ономастики: пособие для преподавателей / О.А. Леонович. – М.: 1994.
3. Назарян, А.Г. Фразеология современного французского языка / А.Г. Назарян. – М.: Высшая школа, 1987.
4. Соколова, Г.Г. Французская идиоматика XX века (Национально-культурный аспект). Актуальные проблемы романистики. Язык. Общество. Культура / Г.Г. Соколова. – Изд-во Саратовского ун-та, 1999.

Материал поступил в редакцию 26.04.18.

THE NATIONAL AND UNIVERSAL FEATURES OF PROPER NAMES IN THE COMPOSITION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN FRENCH AND UZBEK LANGUAGES

G.S. Kurbonova, Senior Lecturer, Research Officer,
Researcher of the French Philology Department
National University of Uzbekistan (Tashkent), Uzbekistan

***Abstract.** This article examines the national and cultural specificity of phraseological units with the anthroponymic component of French and Uzbek languages. Proper names in the composition of phraseological units are divided into three groups: a) PhU, with a component of male and female names; b) PhU, connected with historical persons and PhU, ascending to the biblical subject; c) PhU, taken from literary sources and dating back to ancient history.*

***Keywords:** proper names, phraseological units, national character, historical and cultural aspects, anthroponym, figurative speech, associative reality, figurative phraseology, linguistic and cultural community.*

УДК 80

ФИЛОСОФСКАЯ ПАРАДИГМА МЕТАФОРЫ**Г.Ю. Рофиева**, докторант

Национальный университет Узбекистана (Ташкент), Узбекистан

***Аннотация.** Статья посвящена философскому анализу феномена метафоры. В ней рассмотрены основные теории и концепции, определившие дальнейшее изучение данного феномена. Целью статьи является изучение различных парадигм метафоры в истории развития ее теории.*

***Ключевые слова:** метафора, теории метафоры, логика, риторика, когнитивная метафора, типология метафоры, концепция.*

Большинство учёных, проанализировавшее эффективность речи при общении (в диалогах), степень воздействия каждой высказанной мысли на судьбу мира объясняют увеличением количества информационных средств. Однако, великая сила слова высоко оценивалась в трудах мыслителей древнего Востока. Дело в том, что в трудах мыслителей особо подчёркивается то, что использование слова в переносном значении, нежели его прямое значение, увеличивает силу воздействия высказываемой мысли. Хотя данная теория выдвигалась многими философами, практическое ее доказательство нашло своё отражение в художественной литературе. Изменение сущности слова в процессе речи, наличие переносного значения, т.е. метафоричность является характерной особенностью письменной и устной речи, что определяет ценность художественного произведения. Но, несмотря на это, исследование метафор тесно связано с философскими взглядами. Ведь, философский анализ является областью науки, конкретизирующей актуальность изучаемого понятия.

Философские взгляды и логический анализ является основным фундаментом формирования научных теорий. Кроме того, философский подход имеет большое значение в осмыслении сущности метафор. Логическая мысль необходима при решении таких вопросов, как отличие метафор от обычных простых предложений, этапы изменения сущности слова, взаимосвязь данного понятия с другими понятиями, факторы, способствующие возникновению метафор. В современных подходах не только философия, лингвистика и психология, но и некоторые другие дисциплины, каждая по своему направлению, ставят вопрос о том, что понимает современная наука в сущности метафор. Ответ на данный вопрос и определение природы этого феномена зависит от того, как она изучается. Как отмечает В.А. Канк, всякое точное научное исследование не может быть достаточно эффективным без философского анализа [3].

Метафора [*греч.* metaphora – перенос] *лит.* *Использование того или иного слова или выражения в переносном значении, основанном на сходство или сравнение, и слова или выражения, использованные в таком значении;* (н-р, значение узбекского слова «қулоқ» (ухо) в словосочетании *дўторнинг қулоғи* («уши дутара») возникло в результате метафоризации [10].

Вывод из существующих на свете предметов и явлений новых мыслей, т.е. возникновение метафор является главной особенностью деятельности сознания человека [5]. Как известно, метафора издавна, с античных времён интересует учёных ряда областей наук. С расширением круга ее использования повышается интерес к данному феномену. Связь истории изучения метафор с именем выдающегося учёного-философа Аристотеля доказывает обоснованность вышеизложенных мнений. Великий философ в своём труде «Поэтика», посвящённом поэзии впервые остановился на термине «метафора» и охарактеризовал данное понятие

как слово в переносном значении, которое находит своё отражение в поэтической речи [1]. А также, учёный даёт толкование термину «метафора», что она является понятием, которое “используется в сравнении с названием одного вида для характеристики другого вида”. Такого рода определения позже были даны в трудах таких философов античного периода, как Деметрий, Квинтилиан и Цицерон. Кроме того, Аристотель в известном своём труде “Риторика” даёт несколько комментариев термину «метафора» и отдельно перечисляет функции и особенности метафор. Теория метафоры Аристотеля связана с семантикой слова. В ней слова с переносными значениями исследованы в отдельности от контекста. Вследствие такой теории позже возникли различные споры и дебаты. Так, по мнению Л.М. Алексеевой, без полного понимания текста невозможно понять переносное значение слова в предложении. Изучение семантики каждого слова в отдельности удаляет метафору от ее сущности. Однако, несмотря на это, данная субститутная (замещающая) теория служит основным (важным) фундаментом введения метафоры в научный обиход в качестве научного понятия.

Определение метафоры в выражаемой мысли устанавливает степень реальности высказывания, и вместе с тем она отражает мировоззрение человека, который мыслит, его понимание мира и национальные особенности. Например, в узбекском языке с участием глагола “учмоқ” (летать) можно образовать целый ряд метафорических выражений:

Учмоқ (летать) – двигать крыльями на воздухе, парить, направляться; полететь (полет).

Переносные значения слова: передвигаться на воздухе, летать (об абстрактных вещах); *двигаться* с очень большой скоростью. Ломаясь оторваться, сломаться; поддаваться, интересоваться, стать пленом чего-л. (без основания, неадекватно). *Ширин гапга учма, мақтаганни кучма.* Мақол (Не поддавайся уговору, не обними того, кто тебя хвалит); Потерять разум под кайфом. *Афанди бўза ичиб, учиб қолибди.* «Муштум» (Ходжа Насретдин выпив бозу, опьянел) [10].

Семантический ряд данного слова в переносном значении можно продолжить другими предложениями. Однако, если их проследить в процессе перевода, то понимание их сути и передача на другом языке потребует новый взгляд и своеобразный подход. В качестве примера возьмём выражение “юлдуз учди” (звезда упала (о метеоре)). При переводе данного выражения изучение сути и цели контекста является одной из главных задач. Здесь не словарь, а контекст художественного произведения покажет основное значение фразеологического выражения (звезда упала). Например, известный узбекский писатель Тахир Малик в своём произведении “Фалак” (Небосвод) использовал данное выражение в следующих ситуациях давал соответствующие комментарии к ним:

“Ғуж-ғуж юлдузлар. Осмон қайнаётганга ўхшайди. **Юлдуз учди.** Осмонни поралаб, узун нурли из колдириб сўнди. Илгарилари шунга қараб бир одам ўлди», дейишарди. Неча юз йиллар бу фикр хукмрон эди. Энди комета ёки метеорит учди, деб изохлашади. Фанда ишбот этилган бу фикр йиллар давомида хукмронлик қилар, лекин мутлак, бўлолмас. Балки буларнинг бари комета эмасдир? Балки бу бирор фазовий кеманинг изидир? Балки у узок юлдуздан биз томонга келаётгандир” [9].

В небе светили мириады звёзд. Небо словно кипело. Упала звезда. Погасла она, оставив за собой длинный светящийся след. Раньше бытовало такое суеверие, что, когда упала звезда говорили, что кто-то умер. И этому верили всегда. А сегодня учёные толкуют, что упал метеор. Данное мнение, доказанное наукой, существуют много лет, но может быть абсолютным. А может быть это вовсе не комета? Может быть это след космического корабля? А может быть она идёт?

Как видно в примерах, всякое явление, происходившие в природе имеет своё изобразительное выражение в сознаниях людей. Однако, эти явления в мировоззрении каждого народа отражает своеобразное содержание. В одном из рассказов современного французского писателя Силви Амона «L'enfant étoile» можно встретить следующее:

“**L'étoile était tombée du ciel sur la terre. Il l'avait vu de ses propres yeux. Lear était un petit garçon de 10 ans vivant en plein cœur de la campagne irlandaise. Son quotidien depuis sa naissance se composait des paysages vert émeraude des collines parsemés de forêts de l'île.**” [11]

Читатель, читая рассказ встретит выражение “*L'étoile était tombée*”, т.е. “звезда упала с неба” и думает, что на земле появился интересный человек. Значит, что узбекское фразеологическое выражение “*юлдуз учди*” (упала звезда) во французском языке имеет абсолютно другую форму и понятие (“*қулаб тушмоқ*” – падать), и эти два предложения по оригинальному смыслу изображает одно и тоже явление природы, в переносном значении обозначают совсем разное. Механизм возникновения таких метафорических выражений объясняется их зависимостью от различных компонентов.

Современный философ А. Ричардс в своих исследованиях отмечает, что и другие учёные древности, как Аристотель, охарактеризовали метафоры в качестве игры слов, украшения простой речи. Однако, как подчёркивает И.А. Алексеева, Аристотель в своём труде “Риторика” указывал на наличие когнитивных и эвристических задач метафор: “При составлении метафор нужно использовать не только соответствующие друг другу, т.е. сходные понятия, а понятия, философски соответствующие друг другу. Ведь, на основе умно придуманных загадок, интересующих людей лежит именно метафоры” [8].

Выдающийся итальянский философ Ж. Вико впервые внёс в науку теорию о том, что первобытные люди только благодаря поэтической речи выражали свои мысли. Из этого следует, что поэтика, отличающаяся от привычной речи человека и состоящая только из метафорических выражений, является продуктом именно человеческой речи. По мнению Ж. Вико, все слова с прямым значением делятся на четыре группы: метафора, метонимия, синекдоха и другие функциональные слова. Фразы, возникшие в форме метафор, представляют собой первичные скрытые оттенки формирования речи языка и служат в качестве средств, присущих когнитивной функции сознания.

Немецкий философ Э. Кассир в процессе своих научных исследований о признаках человеческой культуры отдельно затрагивает когнитивные вопросы. Когда он вел свои научные наблюдения о “языке и легенде”, приводил некоторые концепции о “силе метафоры” [4]. Высоко оценивая эвристические возможности метафор, немецкий учёный особо отмечает, что использование слов в переносном значении даёт возможность получать информации о том, как человек воспринимает окружающий мир. По мнению Э. Кассирера, деятельность человеческого мозга имеет два вида: метафорическое (мифопоэтическое) мышление и дискурсивно-логическое мышление. Значит, возникновение метафор зависит от мыслительной деятельности, истории и опыта человека. Метафоры считались логической основой (базой) становления религиозных и светских знаний.

Известный испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в своём выдающемся труде “О двух великих метафорах” охарактеризовал метафору как обязательное орудие мышления, форма научного мышления. Он конкретизирует метафоры посредством переноса значений. Он пытается доказать две основные функции метафоры: первое – называть, второе – быть орудием мысли. Он, в частности, говорит: “*Если бы было так легко усвоить в наших мозгах все объекты, которые окружают нас, то мы называли бы их своими именами*” [6]. Однако, существуют такие вещи и явления, которые привлекают нас, мы не в силах поместить их даже в наши воображения. Метафора является не только важным средством доведения (выражения) наших мыслей, она, прежде всего, важна тем, что имеет большое значение в понимании некоторых вещей в нашем мышлении. По мнению Х. Ортега-и-Гассета, метафора является единственным практическим средством видеть даже не обозримые абстрактности.

Выдающийся учёный – философ М. Блэк внёс большой вклад в дело изучения особенностей метафор, как когнитивный процесс. Главный аспект его исследований заключается в том, что он изучает метафору не как отдельное слово с переносным значением, а как предложение, сформированное на основе полного текста. Именно М. Блэк внёс в науку понятие “когнитивная метафора”, и раскрыл сущность метафоры, что она является не просто орнаментальным средством (украшение речи), а является явлением, имеющим глубокий смысл [2]. Интеграционный подход М. Блэка к изучению теории метафор возник на основе идеи А. Ричардс.

Философский анализ данных исследований, комментарии к частным аспектам метафор, принадлежащих к различным семантическим группам, определение функций слов с переносными значениями в тексте, а также сведения об этапах формирования и логических разновидностях метафор являются важным источником перевода сущности метафор. Особенность исследований ученых заключается ещё в том, что в них даны комментарии к метафорам, использованным с целью обоснования теорий, созданных в рамках различных дисциплин, т.е. упрощены правила их понимания. Логический анализ и философский подход имеет огромное значение в раскрытии сущности концептуальных метафор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Поэтика. Античные теории языка стиля. – М., Л.: ОГИЗ, 1936. – С. 178.
2. Блэк, М. Метафора. Теория метафоры / М. Блэк. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153–172.
3. Канке, В.А. Формы времени / В.А. Канке. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 230 с.
4. Кассирёр, Э. Язык и миф. К проблеме именования богов. Избранное: Индивид и космос / Э. Кассирёр. – М., СПб.: 2000. – С. 327–382.
5. Лавошникова, Ю.А. Поэтическая метафора Ф.И. Тютчева в сопоставительном аспекте: дисс. ...д-ра филос. наук / Ю.А. Лавошникова. – Брянск, 2017. – Б. 2.
6. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры. Теория метафоры / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44–67.
7. Ричардс, А. Философия риторики. Теория метафоры / А. Ричардс. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44–67.
8. Рыбакова, Е.В. Парадигмы метафоры. Актуальные проблемы изучения иностранных языков и литератур: материалы научно-практической конференции / Е.В. Рыбакова, Л.М. Алексеева. – Пермь, 2015. – С. 24.
9. Тоҳир Малик. Фалак. “Шарк” нашриёти / Тоҳир Малик. – Тошкент, 2004. – С. 139.
10. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. – Т.: Ўзбекистон миллий энциклопедияси. Давлат илмий нашриёти, 2008. – Б. 680.
11. <https://short-edition.com/fr/oeuvre/tres-tres-court/l-enfant-etoile>

Материал поступил в редакцию 13.04.18.

THE PHILOSOPHICAL PARADIGM OF METAPHOR

G.Yu. Rofiyeva, Doctoral Candidate

National University of Uzbekistan (Tashkent), Uzbekistan

Abstract. *The article is devoted to the philosophical analysis of the metaphor phenomenon. It considers basic theories and concepts that determined further study of this phenomenon. The purpose of this article is to study the various paradigms of the metaphor in the history of the development of its theory.*

Keywords: *metaphor, theories of metaphor, logic, rhetoric, cognitive metaphor, metaphor typology, concept.*

УДК 8.82

ИРЖИ ВАЙЛЬ И ЕГО ХРАБРАЯ БОРЬБА ЗА СОХРАНЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАВДИВОСТИ И ЧЕЛОВЕЧНОСТИ НА ФОНЕ НАЦИСТСКОЙ И СТАЛИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Иржи Бычков, Ph.D., доктор, педагог
Институт славистики, факультет филологии
Опольский Университет, Польша

***Аннотация.** Исследование посвящено изучению личности и творчества Иржи Вайля, писателя, еврейские корни и восторженное увещание которого для Советской России значительно ознаменовали его жизнь до войны, оккупации в вротекторате, а также после войны. На фоне двух криминальных тоталитарных режимов анализируются вдохновляющие потоки и влияния, сформировавшие творческую основу романов – «Москва-граница», «Жизнь со звездой» и «На крыше Мендельсон». Среди прочего, большее внимание уделяется краткой характеристике развития художественных приемов Вайлса и сопоставлению различных точек зрения современной литературоведческой критики на перечисленные произведения. В заключении даётся краткая оценка литературного и этического преимущества чешской литературы XX века.*

***Ключевые слова:** Иржи Вайль, авангард, жанровая типология, холокост, экзистенциализм, тоталитаризм, психология толпы, социалистический реализм.*

*„Мог нанести то чудо: вспомнить будущее и сомневаться в прошлом“.
(И. Коларж: Надгробие Иржи Вайлю)*

Образ судьбы Иржи Вайля, замечательного и упускаемого чешского писателя, журналиста и переводчика, был почти от его творческих истоков отмечен осуждением, преследованием и неприятием со стороны официальной литературной критики и правящих кругов. Как будто его еврейские корни увеличиваются не критичным восхищением к новому советскому режиму и растущей коммунистической идеологии и априори предопределили более позднее трагические жизненные перипетии. Ответы на трудные вопросы, почему любовь к русской литературе, симпатии к советской России и членство в коммунистической партии привели писателя к машине времени сталинских процессов и партийных чисток, от которых избежал психически опустошённый и за счёт постоянно ухудшающегося здоровья, попытается найти и сформулировать эта короткая статья.

Рождение Иржи Вайля неразрывно связано с живописной деревней Прасколесы у Горжовиц в Богемии (1900). Когда родители Вайля после краха семейного бизнеса переселились из Прасколес в Прагу, молодой Вайль начал учиться в гимназии в Столярной улице. Уже в ходе исследований мечтал о том, что станет писателем, что метко описала Я. Вондрачкова в одной целостной памятной монографии, посвящённой Вайлю с названием „*Замораживало – таяло*“¹: „И Иржи Вайль мечтает и обещает себе: я буду писателем. Но Австрия готовит ему другие назначения: будешь солдатом. Вайль: я буду писателем. И мой роман Город

будет иметь три части.“ (Vondráčková 2014: 9) После окончания средней школы в гимназии в 1919 году он поступил на Философский факультет Карлова Университета. Устойчивый интерес к России и увлечение русской и советской литературой вскоре нашли своё отражение и в выборе учебной специальности. Выбор пал на славянскую филологию и сравнительную литературу, которую успешно закончил в 1928 году и защитил тщательной работой с названием „Гоголь и английский роман 18-ого века“. Во время учёбы стал членом художественной группы Деветсил, переводил советских писателей – В. Маяковского, Н. Асеева, Б. Пастернака, М. Горького, М. Зощенко и как переводчик также работал в печатном отделе советского представительства в Праге. Здесь впервые познакомился с Романом Jakobsonом, лингвистом и представителем структурализма и российского авангарда. Встреча, как позже оказывается, имела ключевое вдохновляющее влияние на творческий метод, который он применил при написании романа „Москва – граница“ (1937).

На рубеже двадцатых и тридцатых годов несколько раз посетил СССР, стал непоколебимым коммунистом, в годы 1933 – 1935 там он работал как переводчик и редактор Коминтерна. В то время он начал публиковать в газетах и в литературных и культурных журналах литературно-критические статьи, теоретические статьи и репортажи о советской культуре. За все можно вычислить, например, „Культурные работы советской России“, или „Сегодняшняя русская поэзия“. К сожалению, в этом „русском периоде“ жизни Вайля уже сталинская диктатура начинала приобретать силу, коммунистические лагеря систематически уничтожали тысячи простых людей, интеллектуалов, политиков, писателей, художников, и деспотизм режима догнал и невинного Вайля. После убийства партийного секретаря М. Кирова 1 декабря 1934-го года, выдуманные разработанные ложные процессы с врагами партии, троцкистами и предателями ещё активизировались. Вайлю было за содержание нескольких частных писем, отправленных друзьям в Прагу, предъявлено ложное обвинение и по партийной проверке был исключён из Коммунистической партии Чехословакии, и даже уволили его из издательства.

Вондрачкова об этих событиях пишет: „В каком-то письме мне адресовано якобы Саша не хорошо высказался в комментарии о жизни в СССР. Было все клеветническое и частично ложное. Но также и моё имя появилось перед товарищеским судом. Конец: Саша, исключён из партии. Остался ты, товарищ, мещанином!“ (Вондрачкова 2014: 51) Вскоре после исключения из партии Вайль должен был покинуть Москву и был отправлен на „перевоспитание“ в „Промышленно-совместные кооперативы Interhelpo“ в Киргизии. Оттуда в течение менее чем 3 месяцев забрёл к Бальхашскому озеру в центральной Азии.²

Встречи с суровой реальностью сталинского лагеря во всей своей кошмарности и вездесущей погибельности были для него тяжким пробуждением, которое отразилось в романе „Москва – граница“ (1937).

Роман вызвал на чешской литературной сцене в буквальном смысле шок и вызвал лавину непоследовательных реакций. Марксистская критика у автора критиковала поверхностность, отсутствие понимания идеи революции, одноэтажных и упрощённых выводов о социальных пропорциях в советской России было много. Например, литературный критик Б. Вацлавек критиковал разное восприятие и недостаточное слияние человека с командой, которая была характерной чертой социалистического реализма.

Наиболее остро против романа выступил Юлиус Фучик, личный друг Вайля, который в обзоре, озаглавленном „Клеветнический роман о Москве“, критикует автора, что „он критикует плохие российские мыла и вообще не заботится о росте добычи донецкого газа и повышении производства социалистической страны“. (Фучик 1938: 34) Несколько более благосклонно роман принял Б. Матхесиус, который в своём обзоре *Восстание материала* констатировал: „Вайль хотел сказать: над сегодняшними трудностями, несмотря на мрачные настроения сегодняшних испытаний и кризисов, живёт, под чувством усталости и грязи, изначальная цель, которая когда-то ввела в жизнь всё это гигантское движение. Это было, несомненно, интеллектуальное восприятие его фантазии.“

Но стала редко записанная вещь – материал против своего автора восстал. Эмоциональные – и скажем – моральные отношения автора к его материалу получили перевес над интеллектуальным акцентом и ... несмотря на авторскую лояльность к системе, является центральным впечатлением книги: лицо Москвы негативное“. (Матхетиус 1938: 142).

Как видно из фрагмента, негативное мнение по отношению к советскому режиму в нем далеко не сказано однозначно. В конце концов, ещё в 1937 году, за несколько месяцев до книги *Москва – граница* издал Вайль сборник репортажей с названием „*Чехи строят в стране пятилеток*“ (1937), где описывал отношения в советской России нейтрально и без критических выпадов. (Равнина 1999: 485).

О авторской намеренности повредить или дискредитировать строительский энтузиазм молодого советского общества, следовательно, не может быть речи. С психологической точки зрения Вайль романом мучительно справлялся с горьким личным опытом, особенно с ложными, выдуманскими сталинскими процессами, злом и унижительными притеснениями невинных людей. В его сердце, несмотря на явную любовь к социалистической идее, начинают звучать голоса сострадания и человеческой солидарности.

С точки зрения жанровой типологии часть критики воспринимала роман как репортажный документ фактической литературы. Как было сказано выше, Вайль был вдохновлён поэтикой ЛЕФ и модернистскими теориями 1920-х годов, которые отвергли традиционный психологический анализ и конструированный сюжет и построили прозу на фактах. Ближайшей к нему была, конечно, практика русской и советской литературы, из которой он часто переводил и часто о ней писал. *Москва-граница*, *Деревянная ложка* и другая проза были задуманы на сходных основаниях: как информативное свидетельство, запись повседневных событий без явной иерархии значений. Носителем значения является не история героя, или комментарий автора, а скорее фактическая жизненная ситуация, которая описана «сухо», неинтересно (Голы 1999: 485).

Роман „*Москва – граница*“ состоит из трёх частей, из которых первая книга посвящена героине Ри, девушке из еврейской семьи, ее пребыванию в Палестине и отъезду в Москву к своему второму мужу Роберту, инженеру. Судьба Яна Фишера, работающего в Москве коммунистическим журналистом и переводчиком, является сюжетной линией второй книги романа. Третья книга содержит рассказ о румынском эмигранте Рудольфе Херцогге, который является другом Фишера. Херцогг – это аналог Фишера. Херцогг происходит из рабочей среды, проходит через румынскую тюрьму и в Москве он стал политическим работником. Рудольф Херцогг лоялен к Коммунистической партии, полностью отождествляется с идеями коммунизма и их распространением и за это он готов умереть. Судьбы обоих главных героев, Ри и Фишера, являются контрапунктом развития романа, они стоят против реальности вновь возникающей социалистической системы, но приходят к разному самопознанию.

Героиня Ри, когда приезжает в Москву, чувствует себя как в плохом сне: «Даже если бы она этого хотела, ей нельзя было оторваться от этой толпы, запаха нечистых тел и нафталиновых пальто, мрачные, тупые лица и незнакомая чужая речь, это всё ей казалось враждебным, возбуждало сопротивление, принуждало убежать». (Вайль, 1991: 56).

Советский Союз поглотил ее против ее воли, а также ее мужа, и Ри не знала, как это сделать, сохранить, по крайней мере, часть Европы внутри себя. Она чувствует себя опустошённой и брошенной на произвол вездесущей чужой среде и отчуждённости: «Ри одна в чужой стране. Она больше не верит ни в какие мечты. Но она будет бороться – за Роберта, за свои чашки на столе, за цветы в вазе, за чистую скатерть. Стоит попробовать бороться? Стоит бороться за память? Да, много раз да» (Вайль, 1991: 64)

Впечатления угнетают её, мечтает возвратиться обратно, но она знает, что она должна остаться на стороне мужа. Наконец, Ри понимает, что единственная возможная борьба – подчиниться системе и подавлять ненависть к ней. После того, как она смирилась с системой, она, в конце концов, нашла своё место в компании. Она поступила на фабрику для производства шариковых подшипников, пошла на собрания и в политический кружок, и со временем

она стала ударником, политическим работником и наконец она стала заведующим фабрики. Ри была полностью поглощена энтузиазмом строительства, поддалась обществу и коллективизму и совершенно деформировала своё индивидуальное мышление. Ее оборот можно разглядеть в следующем отрывке романа: „Ри была потрясена, подавлена, немощная. Как будто она смотрела на вихрь, стихию, которая сметёт все, что стоит на пути, людей было так много, что они не были уже людьми, а неизвестной и непонятной силой, неземной, неуловимой». (Вайль 1991: 95)

На персонаже Ри мы можем наблюдать явный процесс деиндивидуализации, результат процесса губительного воздействия толпы, который исследовал и открыл уже французский врач, психолог и социолог Гюстав Ле Бон.³ (Ле Бон 2016: 28) Тот уже замечал у толпы другие характеристики, в основном, явления так называемой психической болезни и суггестибилитета, которая является особенно опасной, потому что это близко к гипнотическому состоянию, когда человек под влиянием толпы, которая его мысли и эмоции формирует как коллективный гипнотизёр (Ле Бон 2016: 28). Толпы (массы) по мнению Ле Бона руководствуются бессознательностью, следовательно, они эмоционально нестабильные под влиянием дезинформаций, легко подвергаются пропаганде и лжи.

Фишер, наоборот, проходит обратным развитием, чем Ри, не подлежащим массовой психозе, и потому что думает о своём месте в системе, не может адаптироваться к жизни в советской России, им владеет чувство недоверия и сомнения. Его можно описать как сильную личность, которая сохраняет критическую дистанцию от общественного внимания. Последствия убийства Кирова, однако, вскоре догонят и его. Фишера обвиняют, что он был одним из организаторов убийства, что встречался с преступнической организацией и был публично осуждён. Отрывок из процесса с ним раскрывает уродство и бесчеловечность тогдашнего режима:

„Был здесь враг, и надо было его бить – словами, делами, суждением, тюрьмой, смертью – ударить, пусть он сдастся, или не сдастся. Не нужно вообще смотреть на человека, был здесь враг, и вокруг была Родина“. (Вайль 1982: 257)

После исключения из коммунистической партии Фишер теряет все права и становится бессмысленным, является мерзавцем, врагом родины, осуждённым, достойным только презрения. Вайль в заключении объясняет механизмы, которые привели судьбу Фишера до горького конца: „Фишер пришёл в эту страну как гость, и стал врагом ... не проливал за неё кровь, не умирал от тифа, от голода и холода, был всего лишь ее гостем и хотел купить ее любовь работой, беганием по собраниях. Но любовь нельзя купить, и земля стала чужой, враждебной, отбросила его как ненужную вещь, барахло – не мешай нам, мы работаем». (Вайль 1982: 249).

Персонажи романа, Ри и Ян Фишер, являются носителями реальных жизненных судеб Елены Гласове из города Простейов и ее мужа Вацлава Фишла, специалиста по промышленности. Оба в советской России оказались в списке лиц, подозреваемых в измене и заговоре и были казнены. В монографии Вондрачковой об этом мы читаем: «Пало на них подозрение, что совершили измену и уклоны. Издание книги Москва – граница Иржи Вайля, частого гостя супругов Фишловых, всю эту атмосферу, конечно, ухудшило. Впали ещё глубже в сети подозрения и были казнены». (Вондрачкова 2014: 70) После выпуска романа *Москва – граница и Деревянная ложка*, в которых Вайль пластически и без прикрас описал личный опыт со сталинизмом, автор оказался перед лицом нацистского тоталитаризма.

После Мьюнхена Вайль сначала пытался попасть незаконно в Англию, но попытка не удалась. Так, в конечном счёте он остался в Праге и сразу оказался под прямой угрозой смерти из-за своего еврейского происхождения. Здесь он познакомился с Ольгой Френцловой и заключил с ней брак в последний срок, 4-ого марта 1942 году. Брак с женщиной арийского происхождения его на какое-то время защищало от концентрационного лагеря. Однако, когда был в ноябре 1942 года вызван в транспортировку, сыграл самоубийство, выпрыгнув из моста Главки в Влтаву и до конца войны скрывался у друзей. Остальные члены его

семьи погибли в концентрационных лагерях.

Судьба чешских Евреев во время войны стала после 1945 года главной темой книг И. Вайля. Трагический опыт холокоста был для всего послевоенного поколения живым и болезненным, однако отражение судеб миллионов еврейских жертв в чешской литературе почти не появляется. Голы к этому добавляет, что „Вайль был в основном первый и долгое время единственный (до появления Арношта Лустига в конце пятидесятых годов), кто о теме холокоста писал. За исключением *Арфиста* (1958), действие которого происходит в Чехии в первой половине 19-ого века (по большей части также в еврейской среде), он к нему возвращался во всех изданных произведениях.“ (Голы 1999: 486)

Собрание рассказов в прозе „*Цвета*“ (1946) и роман „*Жизнь со звездой*“ (1949) объединяет только тема холокоста и лейтмотив напряжённой, критической ситуации человека, который без собственной вины брошен в унижение и незначительность, будто бы стал только вещью. В конфронтации с нацистским тоталитаризмом герои Вайля часто становятся числами или вещами. Деграция и потеря человечности в обеих прозах приобретает абсурдные формы.

Роман был современной литературной критикой резко осуждён и вместе с романом „*Москва – граница*“, несомненно, помогли к исключению автора из Союза чехословацких писателей в 1950 году. Главный герой романа не подошёл к официальному изображению активного и сознательного борца против фашизма, он тонет в саможалости и покорности. За все отрицательные отзывы я цитирую отзывы И. Скалы.

„Книга, казалось бы, показывает кусок трагической жизни в годы оккупации. Но да, в сущности эта книга является картиной упадочнического и безыдейного лица автора, который все годы оккупации видит, как в кривом зеркале, пораженчески и капитулянтски, и даже нам не скажет ни одного правдивого слова о годах оккупации и о экономических причинах, вызвавших её“. (Skála 1949:67)

С положительной оценкой роман не встретился ни в еврейской среде, которая принимала героя в качестве „Еврея, который имеет мало общего с еврейством, возможно, он даже не выглядит как еврей, точнее, не является скованным навязчивой идеей о собственном еврейском внешнем виде, что, в конце концов, является решающим эмоциональным моментом художественного оформления сюжета, которое мы называем еврейская судьба.“ (Погорски 1990: 382)

Вайль эти критические выпады воспринимал ответственно и в свою защиту он пояснял, что он в прозе не стремился охватить всю оккупационную трагедию евреев, но „выразить полемику против расизма и фашизма художественными средствами, в которых еврейство не главное дело“. (Погорски 1990:382)

Герой романа, еврейский чиновник Иосиф Рoubичек (сам *progrium*/ действует на первый взгляд мило, (фамилия деминутивум производное от субстантива *кляп*), живёт в бедной квартире без мебелировки, страдает от голода и холода, ослабленный и больной ждёт вызов в транспортировку. В этом «угнетающем безвременье» после сложных медицинских осмотров занимает место садовника и может работать на еврейском кладбище, вместе с другими соотечественниками (евреями), выращивает овощи и срывает листву. Несмотря на все это, остаётся благодарен, потому что, благодаря счастливому взаимодействию обстоятельств был избавлен транспорта на восток. В своих мыслях и внутренних монологах вспоминает свою возлюбленную Ружену, которая оставила его. Единственной опорой для него становится бродячий кот Томаш, которому доверяет своё прошлое и передаёт ему свои затруднения. Йозефу часто нечего есть, у мясника он может купить только остатки пищевых продуктов, так как на мясо не имеет права. По постановлениям учреждений ему запретили посещать театры и рестораны. Он получает повестку в учреждение для регистрации и должен пришить шестиконечную жёлтую звезду на левую сторону своего пальто, прямо у сердца. Люди его осуждают, презирают его. У него дядя и тётя, которые постоянно его обвиняют, что они должны нуждаться. Один раз он встретится с рабочим Матерной, который стремится привести

его в общество и убеждает его в том, что организаторы этого зла будут справедливо наказаны. Из-за ошибки в картотеке Йосефу Роубичеку удастся избежать транспорта вместе с другими гражданами еврейского происхождения. Матерна хочет его укрыть, но герой от этого отказывается; но, когда он узнает о смерти Ружены, принимает предложение Матерны и готов бороться за свободу. Главный герой принципиально изменяется, когда он уясняет себе своё положение: подчиниться бесчеловечной системе и согласиться с ней – это в сущности жест согласия. И поэтому Роубичек в конце концов становится мнимой «отсутствующим номером в нацистическом списке смерти».

Роубичек своей жизненной судьбой и тем, что он часто думает о месте во вражеском мире, лишённом человеческого облика немножко напоминает героев Кафки, но своим подходом к жизни, поведением, личными высказываниями без всякого самоанализа он совсем не похож на Йосефа К., Грегора Самсу и на остальных персонажей Кафки – он совсем другой. Верно упоминает А. Йедличкова: «...в романе герой обращается к присутствующим и неприсутствующим персонажам в виде „рассказывания вслух.“ Его речь неприсутствующим – это средство какой-нибудь легализации монолога героя. Самой глубокой мотивировкой этого способа коммуникации является необходимость героя подтвердить и уяснить себе собственное существование». (Йедличкова 1992:62) Мотив деградации человека и потеря идентичности в тоталитарном режиме – это лейтмотив, который проступает как вездесущая нить в основных произведениях Вайля. Ганнах Арендтова, значительный немецкий философ еврейского происхождения, занималась в своих размышлениях изучением сущности тоталитаризма и насилия. Изучая тоталитарные режимы, она обращала внимание на доверие масс и роль пропаганды, которая формирует массы в так называемого массового человека. «Типичным признаком массового человека не является грубость или примитивность, а одиночество и недостаток социальных отношений». (Арендтова 1996:44)⁴ Если мы задумаемся глубже над этими выводами, потом они, имея в виду характер персонажей Вайля, полностью обоснованы. Фишер и Роубичек заключены в тоталитарной системе полной беззакония и страдают от отсутствия прочных социальных контактов. Приводимый дефицит находит отражение и в работе автора с языком, точнее во выборе выразительных средств, которые перифрастические и приближаются устной речи. Вайль в описаниях избегает прямого названия нацистов, их символики и организаций. Употребляет только обозначение «они», страшное место пребывания гестапо помещает в пражский квартал Стрешовице, название Терезина в разговоре заменяет словосочетанием «крепостной город». Воспоминания Роубичека о прошлом проявляются только как последовательность рассказываний разнообразных случаев и придуманных историй, они не помогают рефлексии или самооценке, но они являются только средством самоутверждения. Роубичек будто бы посредством них убежал от самого себя в другой, лучший мир. С точки зрения теории коммуникации можно говорить о тнз. мотивировке самоутверждения, когда «коммуникацией с другими людьми мы находим и подтверждаем свою личную идентичность, укрепляем своё собственное self. Мы становимся самими собой». (Vybíral 2000:25)

Мотивировка отдельного лица, заключённого в абсурдной действительности, которая беспокоит его до той степени, что она должна напоминать прошлое, чтобы избавить его от страха, тревоги, имеет своё начало в чешской прозе в 40ых годах 20 века и является одним из знаков экзистенциализма в литературе (Papošek 2004: 282).

Вайль продолжает линию этой парадигмы, на которую позже ссылается напр. Арношт Лустиг. Существование, имея в романе деловой характер, посредством небытия представлено в лице кое-какого Робитсшка, который наверно представляет второе эго героя (альтер эго). Он говорит о себе как о вещи, которую как ненужную надо убрать. Его самоубийство потом становится закономерно трагическим завершением абсурдной жизненной ситуации. Недолговечность и ничтожность его жизни, по всей вероятности, лучше всего символизирует исчезающее имя, написанное смолой на деревянной дощечке: «Мы уже не говорили о Робитсшке. Он был похоронен, и его могилу засыпали, его никогда уже не будет. Может быть, его даже никогда не было, так как завтра на его могилу прикрепят деревянную дощечку

с надписью, нарисованной смолой, где будет указано его имя буквами, которые никто не умеет прочитать. Никто не обратит внимание на надпись после того, когда дождь ее смоеет, и этого даже не надо, чтобы это кто-то заметил, так как знакомые люди Робитсшека уже не будут на кладбище, они между тем уходят в крепостной город и на восток». (Вайль 1990:134)

Анализируя роман Вайля нельзя игнорировать его композиционный план. Роман построен как последовательность более коротких или более длинных историй, рассказываемых отдельными лицами, которые разложены как звенья цепи не каузально, и тем произведение имеет характер цикла новелл. Иржи Опелик обращает внимание на новеллистический характер романов Вайля, и это, по его мнению, «вытекает из его концентрированного сосредоточения на критический момент». (J. Opelík 1966:1999)

Несомненно, что один из вездесущих знаков художественного стиля Вайля является познание качества человека в создании критических, буквально заострившихся ситуаций, в столкновении с которыми потом полностью разоблачает его настоящий характер и тем сущность человеческого достоинства.

Предпоследний законченный роман И. Вайля, „*На крыше Мендельсон*“ (1960), является комбинацией более коротких историй, репортажных элементов и действительных исторических событий. Действие романа происходит по большей части в оккупированной Праге. В начале романа находится странная завязка: отстающий рейхспротектор Р. Гайдрих приказывает снять из атики Рудолфина статую композитора Феликса Мендельсона Бартолды, так как его еврейское происхождение оскверняет концертный зал, святое место немецкого искусства. Два чешских работника, Антонин Бечварж и Йосеф Станковски, идут под надзором члена СС «вредную статую» снять, но среди других они её не узнают и почти ликвидируют скульптуру Рихарда Вагнера, которому поклонялись нацисты; работникам казался выразительный нос Вагнера каким-то странным. Образованный Еврей доктор Рабинович им ошибку откроет, и так они предотвратят собственное несчастье. События с ликвидацией статуи имеют глубокое символическое значение, и после этого развивается ряд следующих абсурдных ситуаций. После покушения на Р. Гайдриха развязывают нацисты в оккупированной Праге и по всей стране аресты, массовые казни и транспортировки в концентрационные лагеря. Даже Антонин Бечварж страдает от всеобщей трудовой мобилизации в немецком городе Дрездене, и парадоксально ему позже спасает жизнь барочная скульптура. Роман завершается смертью двух еврейских сестёр, Аделы и Греты, которых во время допроса на полицейской станции убивает член гестапо. Смерть девушек автор описывает натуралистически, жестокость и бессмысленность открывает в контексте военных событий. По моему мнению это определённо эмоционально самый сильный пассаж книги.

В романе повторяются те же самые композиционные, тематические и нарративные элементы как в предыдущих произведениях – самоподтверждение главного героя в высказываниях и воспоминаниях, переплетение историй с документальным материалом, конфронтация отдельной личности с критической обстановкой, упадок и угнетение человеческой жизни в тоталитарной системе и трагедия холокоста. Замечательным феноменом является присутствие мотива скульптур, объединяющий элемент сюжета романа, который автор употребил напр. и в рассказе *Страсбургский кафедральный собор*, в котором основная завязка заключается в поисках двух чехов скульптора Йосефа Брожа.⁵

Последний роман Вайля *Здесь танцуют lambeth-walk*, также посвящён теме холокоста, но, к сожалению, автор его не окончил. Вондрачкова пишет: «Ирка лежит в больнице. Дома остался *Lambeth-Walk*, на верхней обложке Ирка аккуратно записал: прекращено в августе 1959. Продолжение: Осталось только это двоеточье. Продолжения уже не было. 13-ого декабря 1959 Ирка умирает от лейкемии». (Вондрачкова 2014:128)

Заключение

Если мы теперь обратим внимание на творческое и человеческое наследие личности Иржи Вайля, потом мы можем обе эти динамически соединённые позиции без преувеличения

сопоставлять с невероятно тернистым путём, наполненным мужественной и трагической борьбой за сохранение художественной правдивости, аутентичности и человечности, которые он ценил выше всего. Его персонажи далеко не относятся к активным бойцам против беззакония органов государственной власти, уничтожающих человеческие судьбы во имя уродливой идеологии – сталинской или нацистской. Они несут отпечаток страшной покорности и наивности с одной стороны и с другой доброты и гуманности. И то, и другое, однако органически отражается в их трагической конечности. Можно поставить вопрос: Изменилась бы их трагическая судьба их противоположным подходом к врагу?

Уродливость и угроза сталинского тоталитарного режима заключались прежде всего в пленительной способности воздействовать даже гипнотически на массы людей формированием искусственной иллюзии совместного правления и справедливого решения. Созидательная эпоха, энтузиазм рабочих и крестьян, поющих шахтёров, спускающихся в шахту – это всё действовало величественно и волновало эмоции смотревших и колеблющихся простых людей. Как хорошо знаем, эмоции заразительные, спонтанные, иногда иррациональные. Этому миру поддались честные, приличные и неиспорченные люди, которые подарили свои лучшие годы, свои жизни уродливым идеологиям, и потом наивные и ослеплённые не были способны идентифицировать чистое зло. Они стали составной частью манипулированной массы без ответственности. С фашистской идеологией симпатизировали бедные индустриализированные массы, анонимность и безответственность которых образовали благоприятную среду для возникновения бесстрашного вождя, психопатического лица, сообщающего фанатические идеи национального социализма. Швейцарский врач и психолог Ц.Г. Йунг писал о национальном социализме как о массово психологическом феномене, проявлении коллективного бессознания, который вызвал немецкую катастрофу (Йунг 1994:185).

Нацистский тоталитаризм возник из иррационального чувства опасности от соседних народов и от сознания мнимой духовной неполноценности, и поэтому выступал против любых форм свободного убеждения. Его противников и критиков в скором времени назвали изменниками, врагами, которых бескомпромиссно преследовали.

Литературный и этический вклад И. Вайля в чешскую литературу 20 века вероятно выражает следующий отрывок из послесловия в романе *Москва – граница*: «Вайль принёс в своём художественном высказывании познание, что мерой гуманности общественной системы не её абстрактная, хотя бы самозаманчивая идеология, а качества человеческой жизни, что основой политики не должна быть её идеологическая доктрина, а конкретный человек, его повседневная жизнь с его нуждами и надеждами, трудностями и радостями». (1991:280)

Иржи Вайль в своих романах разоблачал уродливость любой идеологии и её уничтожающее влияние на человеческую личность. Он делал это чувствительно и с точностью хирурга, без больших жестов, пустых шаблонных выражений и хвастливых провозглашений. И именно за это он заслуживает наше признание и искренний восторг.

Примечания

¹ М. Киттлова о публикации *Mrazilo – tálo* (О И. Вайле) Й. Вондрачковой пишет, что была впервые издана в 1979 году в самиздате Кварт и до сих пор является единой монографией – воспоминаниями о авторе. Теоретически это жанр эгодокумента.

² Профессор истории М. Крыл исследовал детали вынужденного пребывания Вайля в сталинских лагерях. Поэтому он искал информации в архивах в Москве, Кыргызстане и в Казахстане о жизни писателя в лагерях. В статье Иржи Вайль – интеллигент между Востоком и Западом писал, что в архивных материалах нет никаких информации о местонахождении писателя в средней Азии. Но новые исследования показывают, что Вайль напр. побывал приблизительно 3 месяца в 1935 году в Караганде в гуглаге III, сжато называемом Кар-лаг (Kryl 2005:306 – 307).

³ Гюстав Ле Бон занимался враждебным влиянием массы (толпы) на отдельное лицо уже в конце 19 века и свои рассуждения описал в книге *Психология толпы* (1895).

⁴ Рядом с Г. ле Бона и Х. Арендт изучали подробно тоталитарные системы и влияние массы на поведение и психику человеческой личности также С. Фрейд, Й. Ортега Гассет, Х. Брех или Е. Канетти.

⁵ A. Вагнерова под влиянием приведённого рассказа поехала в научную командировку в Эльзас и написала статью По следам И. Вайля в Эльзасе (2004), в которой критически обсуждала способ художественного изображения реальности у Вайля, когда он пытался раскрыть судьбу чешского скульптора И. Брожа. Подробнее о том пишет М. Крыл в статье И. Вайль – интеллигент между Востоком и Западом, *Slovanský přehled*, č. 2/2005, s. 301 – 302.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Arendtová H., 1996, *Původ totalitarismu I-III*, Praha.
2. Bon Le G., 2016, *Psychologie davu*, Praha.
3. Černý V., 1994, *Paměti I (1921 – 1938)*, Brno.
4. Dontová T., 2013, *Osobnost Jiřího Weila*, Brno.
5. Fučík J., 1938, Pavlačový román o Moskvě, „Tvorba“, ročník 13, s. 34-35.
6. Grebeníčková R., 1995, *Literatura a fiktivní světy*, Praha.
7. Holý J., 1999, Komentář k Weilovým dílům, In: Weil, Jiří. *Život s hvězdou: Na střeše je Mendelssohn; Žalozpěv za 77 297 obětí*, „Lidové noviny“, s. 481-505.
8. Janoušek P. a kol., 2012, *Přehledné dějiny české literatury 1945 – 1989*, Praha.
9. Jedličková A., 1992, Jiří Weil, *Život s hvězdou*, In: *Česká literatura 1945 – 1970. Interpretace vybraných děl*. Táborská, J., Zeman, M. ed., Praha, s. 61 – 69.
10. Jung G. C., 1994, *Duše moderního člověka*, Brno.
11. Kittlová M., 2009, *Jiří Weil mezi Ruskem a Čechami*, Praha.
12. Kittlová M., 2016, *Trojí podoba tragiky*, In: *Mrazilo – tálo. Doslov*, Praha.
13. Kryl M., 2005, Jiří Weil – Intelektuál mezi Východem a Západem, „Slovanský přehled“, č. 2, s. 301-308.
14. Mathesius B., 1938, *Vzpouza materiálu*, „Kritický měsíčník“, roč. 1, č. 3, s. 142.
15. Papoušek V., 2004, *Existencialisté*, Praha.
16. Pohorský M., 1990, *Jistoty a nejistoty Jiřího Weila*. In: *Život s hvězdou, Na střeše je Mendelssohn. Doslov*, Praha, s. 375-385.
17. Pěkný T., 1991, Jiří Weil, „Respekt“, č. 51, s. 9.
18. Rybák J., 1938, *Rodokaps Jiřího Weila*, *Rudé právo*, 15. a 16. 2. 1938.
19. Skála I., 1949, *Rozhodný boj o realismus – přední úkol naší literatury*, „Nový život“, roč. 1, č. 4, s. 66-72.
20. Štědroňová E., 1991, *Weilova Moskva – hranice, významný román české literatury*, In: *Moskva – hranice. Doslov*, Praha.
21. Štoll L., 1986, *Z kulturních zápasů: Vzpomínky – rozhovory – portréty – stati – korespondence*, 1. vyd. *Paměti, korespondence, dokumenty*, Praha.
22. Vondráčková J., 2014, *Mrazilo – tálo: o Jiřím Weilovi*, Praha.
23. Vybíral Z., 2000, *Psychologie lidské komunikace*, Praha.
24. Wagnerová A., 2004, *Po stopách Jiřího Weila v Alsasku*, „Literární noviny“, XV, č. 42, s. 10-11.
25. Weil J., 1991, *Moskva-hranice*, Vyd. 2. (V *Mladé frontě 1*), Praha.
26. Weil J., 1992, *Dřevěná lžice*, Praha.
27. Weil J., 1990, *Život s hvězdou; Na střeše je Mendelssohn*, Praha.
28. Weil J., 1966, *Hodina pravdy, hodina zkoušky*, Praha.
29. Weil J., 1958, *Harfeník*, Praha.
30. Zdražilová M., 1995, *Ruská literatura přelomu 19. a 20. století*, Praha.

Материал поступил в редакцию 03.05.18.

**JIRI WEIL AND HIS BRAVE STRUGGLE
FOR SUSTAINING OF ARTISTIC TRUTH AND HUMANITY
IN THE MIDDLE OF NAZI AND STALINIST DICTATORSHIP**

Jiří Byčkov, Ph.D., Doctor, Language Assistant
Institute of Slavonic Studies, Faculty of Philology
The University of Opole, Poland

Abstract. *The study deals with the personality and the work of Jiří Weil, the writer, whose Jewish roots and enthusiastic admiration for the Soviet Russia significantly marked his life before the war, the occupation in Protectorate, and also after the war. In the background of two criminal totalitarian regimes there are analysed inspirational streams and influences that shaped the creative groundswell of novels – Moscow – Border, Life with a Star and Mendelssohn is on the Roof. Among others wider attention is given to a brief description of the development of the Weil's artistic methods and comparison of different points of view of the contemporary and present literary criticism on the listed works. The conclusion provides brief assessment of Weil's literary and ethical benefit of Czech literature of the twentieth century.*

Keywords: *Jiří Weil, avant-garde, genre typology, Holocaust, existentialism, totalitarianism, crowd psychology, socialist realism.*

УДК 821.161.1

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАНОН В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ**К.М. Егорова**, студентФГБОУВО "Новгородский Государственный Университет имени Ярослава Мудрого"
(Великий Новгород), Россия

***Аннотация.** В статье актуализированы противоречия в вопросе о необходимости сохранения литературного канона в школьном изучении, приведены аргументы, подчеркнуты проблемы и приведены пути их решения. Классическая литература не должна уходить от внимания школьников, т.к. она проверена временем и обозначает ценностные ориентиры, необходимые для формирования личности человека. Проблемы ее изучения заключаются в подаче материала, работе учителя, а, следовательно, они решаемы и не являются определяющими в вопросе изменения школьного регламента.*

***Ключевые слова:** литературный канон, школьная программа, образование, классическая литература.*

Вопрос о том, стоит ли сохранять неизменным перечень произведений «золотого канона» для обязательного изучения в школьной программе, остро стоит в кругах учителей, филологов и методистов. Проблема настолько актуальна, что волнует не только специалистов, но и, казалось, далёких от литературного процесса людей: родителей, обеспокоенных падением интереса к классическому чтению у их детей, и даже самих школьников.

Для начала следует разобраться со значением слова «канон». В общественном сознании укрепилось представление, что это некая устоявшаяся система, включающая в себя фундаментальные для какой-либо области единицы. Русская литература так же предполагает наличие так называемых писателей-классиков и классических произведений, которые по определению находятся у её истоков и на протяжении всего развития, подобно архетипам, реализуются в форме реминисценций и аллюзий в творчестве последующих деятелей искусств. Наиболее полное толкование «литературного канона», по моему мнению, звучит следующим образом: «перечень, список, собрание, множество текстов/авторов, считающихся образцовыми, самыми ценными, ключевыми для данной национальной литературы и/или культуры» [7, с. 6].

Возникает закономерный вопрос: *что* или *кто* формирует канон? Для каждой тематической группы он будет свой. Например, читатели романтической литературы назовут свой перечень книг, а любители детективного жанра или философских мотивов – свой. Однако все эти множества найдут точки соприкосновения, которые и будут являться общепринятыми, классическими. Скажем, роман «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского условно попадает сразу в несколько списков. Следовательно, можно сказать, что канон формируется обществом, его интересами, а также культурной средой. Большую роль, особенно в XIX в., в канонизации классиков играла критика. Самая яркая в данном случае фигура – В.Г. Белинский. Например, во многом благодаря его оценкам в канон с течением времени попал А.С. Пушкин. Критик отзывался о нем следующим образом: «Придёт время, когда он будет

в России поэтом *классическим*, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство» [6, с. 365]. Так и случилось. В веке XXI подобное значение имеют разнообразные филологические конференции, публичные лекции, тематические чтения – всё это пробуждает интерес слушателей к творчеству уже известных писателей и поэтов, а также открывает новые имена в литературе, которые впоследствии могут претендовать на внесение в школьную программу, а затем и в литературный канон, и наоборот. Например, не так давно советским и российским литературоведом Б.Ф. Егоровым был представлен широкой аудитории незаслуженно забытый поэт XX в. – С.В. Петров (1911-1988), творчество которого достойно отдельного изучения и внимания.

Золотой литературный канон не только сложно пополняется, но и иногда теряет некоторые имена и произведения из списка. Например, роман Максима Горького «Мать» сейчас ускользает от внимания школьников и остаётся только в университетской программе на филологических факультетах.

Спор о золотом литературном каноне в школьном регламенте ведётся давно. Методисты, учителя, филологи высказывают разные позиции: одни придерживаются мнения, что классическая литература необходима учащимся, другие же не против заменить произведения, сложные для восприятия, современными, более понятными школьникам, текстами. Например, И.Н. Сухих в интервью для радио «Эхо Москвы» 2 сентября 2016 г выразил свою позицию: «школьная программа должна опираться на проверенные временем имена и произведения, и только на их фоне в ней должна быть представлена литература современная». Другую точку зрения отстаивает Д.Л. Быков. В статье «Молчание классики» он сравнивает классическую литературу с драгоценностями, которые хранятся в сундуке на чердаке так долго, что уже превратились в «труху». Он говорит о том, что «самая великая литература остаётся в своём времени; приходят новые времена, для описания которых она уже не работает» [2, с. 178]. Причиной этому он называет не только смену общественных устоев, но и то, что «русская классика написана на «мёртвом языке» <...> сегодняшнему человеку он непонятен» [2, с. 178]. Однако Д. Быков признает, что современные тексты далеки по своей ценности от канонических. У М. Чудаковой на этот счёт несколько другой взгляд. Она предлагает сохранить классическую литературу в школьном изучении, но изменить структуру традиционного урока, заменив литературоведческий аспект чтением учителем текстов вслух, причём тратить на это большую часть отведённого времени. Таким образом, дети будут знать произведения, но от них ускользнёт не менее важный момент – их грамотная трактовка. Насколько это верно, можно сказать, только проверив опытным путём.

В XXI веке все школьные программы основываются на принципе следования золотому литературному канону. Однако среди многих учащихся распространено мнение, что классическая литература устарела, ее сложно читать и ещё сложнее понять. Очевидно, что проблема не столько в нежелании знакомиться с каноническими текстами, сколько в отсутствии понимания многих сюжетов, образов и слов, которые когда-то были общедоступны, но с изменением языковой ситуации и в некотором роде общественной морали утратили своё значение, если не полностью, то частично. В связи с этим подростки предпочитают читать современную литературу, чаще всего зарубежную. Проиллюстрируем на примере прочтения романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Это произведение изучается в старшем звене, многие школьники могут назвать его своим любимым, но и многие скажут, что ершалаимские главы, в отличие от московских, выпадают из их понимания, хотя и являются важными в контекстном восприятии всего романа. В этом случае я бы посоветовала обратиться к относительно современному средству интерпретации художественных произведений – к кино. Экранизировали этот роман пять раз. Помимо отечественных кинолент Ю. Кары и В. Бортко, существуют и зарубежные. В нашем случае будет интересен вариант польского режиссёра А. Вайды – фильм «Пилат и другие» (1972). Любопытен он именно тем, что в основе сюжета лежат только ершалаимские главы, но действие перенесено в современность. Здесь внимание школьников и привлечёт необычная трактовка, которая вызовет желание перечитать и сравнить,

что позволит добиться большего понимания происходящего на страницах романа. Важно не допустить подмены понятий в отношении классических текстов. Изучение экранизации должно вестись параллельно с чтением произведения.

Ещё одно средство интерпретации – иллюстрации. Они способствуют не только визуализации образов, но и углублению повествовательных смыслов, как в случае с рисунками М.В. Добужинского к повести «Белые ночи». Когда в тексте автор не показывает чувства персонажа до конца, оставляя этот момент воображению читателя, а художник акцентирует на этом внимание, с помощью определённой техники и цвета обозначая и настроение героев.

Важно, чтобы в руки к детям попадали классические тексты: во-первых, соответственно возрасту, во-вторых, качественно откомментированные, в-третьих, грамотно и интересно представленные учителем.

Ефросиния (Ибрагимова), монахиня и учительница литературы, в статье «Ещё раз о “жестоким таланте” Ф.М. Достоевского. По роману “Униженные и оскорблённые”» называет следующую причину, по которой школьники не хотят изучать творчество этого писателя: «нежелание погружаться в мир отрицательных эмоций и решать вместе с писателем сложные проблемы, которые диктует нам действительность» [4, с. 34]. На самом деле произведения Достоевского очень тяжелы для понимания, иногда даже кажется, что они чрезмерно жестоки. Однако важно объяснить, что автор, пользуясь подобными приёмами, только указывает на общественное несовершенство. Через страдания безвинных людей, чаще всего детей, он показывает нам, читателям, как важно уметь видеть тех, кто нуждается в нашей помощи, и не проходить мимо. Формирования таких ценных качеств, как способность к состраданию и милосердию, тоже можно отнести к функциям классической литературы, а, следовательно, и канона.

Однозначно, актуальность каноничных произведений не утрачена, но уровень интереса к ним становится ниже. В дневнике Л.Н. Толстого 1 ноября 1853г. оставлена интересная с этой точки зрения запись: «Я читал “Капитанскую дочку” и увы! Должен сознаться, что теперь уже проза Пушкина стара, - не слогом, но манерой изложения. Теперь справедливо в новом направлении интерес подробностей чувства заменяет интерес самих событий. Повести Пушкина голы как-то» [3, с. 72-73]. Время публикации «Капитанской дочки» - 1836 год, Толстой высказал свою позицию во второй половине XIX века, это значит, что вопрос соответствия классики новому времени возник не недавно. Его можно назвать вечным. Сейчас, в век высоких технологий, мышление у детей постепенно приобретает клиповый характер. Следовательно, им гораздо легче воспринимать информацию короткими и яркими фрагментами, например, в формате публикаций в социальных сетях, на картинках, под броскими заголовками. Оптимальными для чтения становятся нераспространённые предложения. Это одна из причин, почему изучение таких романов, как «Тихий Дон» Шолохова, «Война и Мир» Толстого несколько затруднено. Сложные синтаксические конструкции могут игнорироваться, но несомненна их польза в формировании мышления человека: научившись понимать их, ребёнок сможет и мыслить более пространственными категориями, и логически рассуждать. Скорее всего, можно говорить о циклическом характере мнений о литературе: если Л.Н. Толстой указывает на то, что события должны преобладать над подробностями чувств, то уже через столетие школьники охотнее выбирают для чтения именно «Капитанскую дочку», а не роман-эпопею.

Ещё одна проблема школьного преподавания литературы – отношение к текстам великих писателей и поэтов как к своеобразному сборнику аргументов для подготовки к единому экзамену. Это, конечно, в корне неправильная позиция, но, с другой стороны, это и стимул для чтения. Возможно, таким путём школьник и придёт к пониманию актуальности классических произведений.

Воспитательные возможности литературы, по мнению Я.С. Билинкиса, советского филолога, заключаются в том, что «она не диктует свои ответы, но побуждает видеть жизнь в ее истинном объёме, широко, серьёзно и ответственно» [1, с. 3]. С этим мнением сложно поспорить.

Дети, в большинстве своём, имеют совсем небольшое представление о жизни, сталкиваются с ограниченным кругом проблем, поэтому помочь им, дать ответ на волнующие вопросы, о которых они не задумались, если бы не прочитали – задача литературы. Тексты классических произведений поучительны: здесь и взаимоотношение отцов и детей, и последствия слепого следования идеям, и важность чуткого и внимательного отношения к окружающим. Однако дидактика не всегда заключается в нравоучительных тезисах в повелительном наклонении, дети учатся различать добро и зло сами, но на примере литературных персонажей. В этом прослеживается значительное преимущество золотого литературного канона – он проверен временем. Его ценность заключается в том, что это тот самый качественный фундамент для формирования морального облика человека, а впоследствии и общества.

Значение золотого литературного канона ещё и в том, что это не просто важный источник для духовного развития, но и истинная черта национальной культуры. В подтверждение этого тезиса мною был проведен опрос среди жителей других стран, а именно КНР (22 опрошенных в возрасте от 19 до 82 лет) и Республика Корея (5 опрошенных в возрасте 20 лет).

Оба списка возглавляет А.С. Пушкин. Примечательно, что эта фамилия приходит первой на ум, когда говорится о русской литературе. В КНР самое популярное произведение – «Как закалялась сталь» Н.А. Островского. Этот факт относит нас к ранее высказанному тезису о том, что канон не только пополняется, но и теряет некоторые позиции из списка, так как ещё несколько десятилетий назад этот роман входил в школьную программу и был достаточно известен в СССР. В настоящее время о нем мало кто слышал и ещё меньше тех, кто его читал. Связано это с утратой в современной России прежнего идеологического компонента и изменением в некотором роде общественного сознания, которое и является одним из факторов формирования литературного канона. Драматургия А.П. Чехова достаточно популярна у зарубежных читателей, чего нельзя сказать о его рассказах. Этот факт объясняется тонкостью граничащего с иронией юмора, присущего автору, который не совсем ясен не носителям языка, а пьесы, которые ставятся в театре, более доступны пониманию иностранных читателей и зрителей. О национальном характере произведений таких писателей, как Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, М.Ю. Лермонтов, М.А. Булгаков говорит большой процент вхождений их в условный фундаментальный список, по мнению опрошенных. Интерес к русской классической литературе у иностранцев достаточно высок, это позволяет сделать вывод о том, что национальная культура опирается на канонические тексты, и не изучать их в школе было бы нерационально.

Ещё одной причиной, по которой лишит человека в юношеском возрасте чтения классики было бы недопустимо, является утрата части восприятия. Известен тот факт, что в каждом возрасте человек по-разному смотрит на события, происходящие в тексте. Скажем, подростки, впервые читающие «Войну и мир», скорее всего, обратят внимание на любовные линии: отношения Наташи и Бориса в детстве, Наташи и Андрея Болконского, Сони и Николая и т.д.; люди в зрелом возрасте – на философские размышления Болконского и Пьера, на сложное положение маленькой княгини, переживания графини о своих детях; в пожилом – на противопоставление счастливой старости Ростовых-старших и несчастной – Василия Курагина. Классическое произведение многогранно и в каждом возрасте оно поворачивается уже другой гранью к читателю, поэтому нельзя упускать возможность видеть текст со всех сторон. Это подтверждается тем, что взрослые люди, уже получившие образование и прочитавшие многие тексты, возвращаются к ним и вычитывают в них уже новые смыслы.

Оценивание работы учащегося на уроке литературы часто носит субъективный характер, поскольку не всегда удаётся услышать мнение каждого ученика, а проводить тестовый опрос бывает неуместно, если, конечно, он не направлен строго на знание текста. По моему мнению, учитель должен выступать не посредником между учеником и учебником, а быть проводником в мир литературного произведения.

Из этого вытекает ещё одна проблема литературного канона в школьном изучении – большое количество *неоспоримых* клише и штампов. Почему-то они закрепились в сознании

учителей как истинные. К примеру, если речь идёт о Катерине из «Грозы», то с обязательной оговоркой – «луч света в тёмном царстве», если Ионыч – непременно «деградация», если Лиза, то только «бедная». Когда ученик имеет мнение, отличное от общепринятого, он чаще всего встречается с несправедливой критикой, которая перетекает в неудовлетворительную оценку. Я считаю, что если школьник может обосновать свою позицию, доказать, что Катерина преступила нравственный закон, обманув мужа, поэтому априори не может быть светлым персонажем, Ионыч продолжал исполнять свой земский долг и после предательства Котика, а Лиза оставила большую *бедную* мать одну, то он заслуживает объективной оценки. Как правило, детям навязываются точки зрения, которые уже устарели или были вызваны какими-либо идеологическими установками, утратившими свою актуальность к настоящему времени. Это вызывает у школьников ошибочное мнение, что они не понимают классические произведения, и в дальнейшем желание читать может пропасть. Поэтому на пути приобщения детей к канонической литературе важно полностью отказаться от клишированных мнений и дать возможность отстаивать свою аргументированную позицию.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что школьный литературный канон необходимо оставить неизменным уже потому, что он формируется не стихийно, а проходит проверку временем. Почти все обозначенные ранее проблемы относятся только к преподаванию и, что важно, они решаемы. Современные тексты, конечно, заслуживают внимания, среди них есть и достойные произведения. В этом вопросе я могу выделить роман Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза». Однако подходить к изучению таких текстов следует, имея уже читательский опыт, основанный прежде всего на классической литературе. Я вижу включение современных произведений в школьную программу или в виде рекомендаций по чтению, или при одном практически утопическом варианте – при увеличении количества часов в неделю, отводимых на уроки литературы. Не изучать классическую литературу означает убрать огромный историко-культурный пласт из сознания людей. На этот счёт ещё в XIX веке высказался В.П. Острогорский: «Лишив же почти все юношество литературного образования, мы лишаем его обогащения с детских лет благороднейшими и возвышеннейшими мыслями талантов и гениев. Мы лишаем юношество вместе с тем и одного из величайших наслаждений искусством, отвлекающим человека от пошлости и узко материальных <...> интересов» [5, с. 203]. И в XXI веке с этим невозможно не согласиться. Роль учителя в приобщении школьников к классической литературе несомненно высока, но многое зависит от желания самого ученика и влияния его окружения. Ценность классических текстов выше, чем трудности, возникающие при ее изучении. Важно понимать, что если допустить понижения планки в отношении литературы, то она будет опускаться и дальше, что приведёт к необратимым последствиям: утрате национальной культуры, обнищанию моральных ценностей и изменению языковой ситуации в стране в отрицательную сторону.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Билинкис, Я.С. Русская классика и изучение литературы в школе: кн. для учителя / Я.С. Билинкис. – М.: Просвещение, 1986. – С. 3.
2. Быков, Д. Молчание классики. 2007. Думание мира: Рецензии, статьи, эссе / Д. Быков. – СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тумблина», 2016. – С. 178.
3. Гусев, Н.Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого 1828-1890 / Н.Н. Гусев. – М.: государственное издательство художественной литературы, 1958. – С. 72–73
4. Ефросиния (Ибрагимова) Ещё раз о «жестоком таланте» Ф.М. Достоевского. По роману «Униженные и оскорблённые». Литература в школе. – М., 2010. – № 3.
5. Острогорский, В.П. Беседы о преподавании словесности. История литературного образования в российской школе / В.П. Острогорский. – М., 1999. – С. 203.
6. Писарев, Д.И. Сочинения в четырех томах. Т.3. Статьи 1864-1865. Государственное издательство художественной литературы / Д.И. Писарев. – М., 1956. – С. 365.
7. Сухих, И.Н. Русский литературный канон (XIX-XX вв.) / И.Н. Сухих. – СПб.: РХГА, 2016. – С. 6.

Материал поступил в редакцию 23.04.18.

THE RUSSIAN LITERARY CANON IN SCHOOL EDUCATION

K.M. Egorova, Student

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Yaroslav-the-Wise Novgorod State University” (Veliky Novgorod), Russia

***Abstract.** The article actualizes the contradictions in the question of the need to preserve the literary canon in the school study, provides arguments, emphasizes the problems and provides ways to solve them. Classical literature should not go away from the attention of schoolchildren, because it is time-tested and indicates the value guidelines that are necessary for the formation of the human personality. Problems of its studying consist in giving material, work of the teacher, and, therefore, they can be solved and are not defining in a question of change of school regulations.*

***Keywords:** literary canon, school curriculum, education, classical literature.*

УДК 8

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НОМИНАЦИЙ ЭПИЗОДИЧЕСКИХ
ПЕРСОНАЖЕЙ В ГОГОЛЕВСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИЕ.В. Близнюк-Бискуп, магистр, преподаватель
Институт прикладной лингвистики,
Варшавский университет, Польша

Аннотация. В статье на материале повести «Шинель» Н.В. Гоголя и ее польских переводов рассматриваются «неожиданные», или не мотивированные контекстом номинации, которые могут вызывать трудности при интерпретации и переводе. Показывается их роль в развитии определенных мотивов в повествовании и в восстановлении утраченной в наррации предыстории.

Ключевые слова: номинация, гоголевское повествование, разрыв наррации, проблемы перевода на польский язык, передача авторских интенций.

Н.В. Гоголь, как известно, в своих произведениях придавал именам особое значение, наделяя их имплицитными коннотативными семами – неслучайно многие его говорящие фамилии стали в русском языке именами нарицательными. В гоголевском повествовании характеристика не только главных, но и второстепенных персонажей снабжается многочисленными подробностями и пояснениями, в результате чего у читателя сразу же формируется относящееся к данному действующему лицу «мысленное досье»¹. Благодаря обстоятельному описанию внешности героев, их манеры, характеров, образа жизни, речи и т.д., семантику тех или иных номинаций, как правило, угадать несложно (достаточно вспомнить фамилии помещиков в «Мертвых душах», такие как Собакевич, Плюшкин, Коробочка и др.). И если в случае основных действующих лиц в произведении скрупулезность при их описании вполне оправдана, то смысл подробной дескрипции эпизодических или же совершенно мимоходом упоминающихся персонажей, с наделением их именем собственным (первичная номинация) или использованием развернутых средств вторичной номинации, в гоголевском повествовании нередко трудно понять.

Номинации эпизодических персонажей у Гоголя, не мотивированные контекстом или же встречающиеся в тексте однократно, могут вызывать сложности и при интерпретации, и при переводе. Проиллюстрируем это на примере повести «Шинель» и ее польских переводов². Для начала рассмотрим один из наиболее интересных с этой точки зрения фрагмент, посвященный сцене рождения главного героя – бедного чиновника Акакия Акакиевича Башмачкина (здесь и далее интересующие нас лексемы подчеркнуты – Е. Б.-Б.):

Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женищина, расположилась, как следует, окрестить ребенка. Матушка еще лежала на кровати против дверей, а по правую руку стоял кум, превосходнейший человек, Иван Иванович Ерошкин, служивший столоначальником в сенате, и кума, жена квартального офицера, женищина редких добродетелей, Арина Семеновна Белобрюшкова. Родильнице представили на выбор любое из трех, какое она хочет

выбрать: Моккия, Сессия, или назвать ребенка во имя мученика Хоздазата. «Нет, – подумала покойница, – имена-то все такие». Чтобы угодить ей, развернули календарь в другом месте; вышли опять три имени: Трифилий, Дула и Варахасий. «Вот это наказание, – проговорила старуха, – какие всё имена; я, право, никогда и не слыхивала таких. Пусть бы еще Варадат или Варух, а то Трифилий и Варахасий». Еще перевернули страницу – вышли: Павсикахий и Вахтисий. «Ну, уж я вижу, – сказала старуха, – что, видно, его такая судьба. Уже если так, пусть лучше будет он называться, как и отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий».

В повести это единственный фрагмент, в котором упоминается мать героя – персонаж эпизодический и, как кажется, незначительный. В первом же предложении читатель узнает все «необходимое» об этом персонаже и в ретроспекции, и в перспективе актуально описываемого, а именно: мать Акакия Акакиевича предстает как *покойница* (настоящее положение: ее уже нет в живых), *чиновница* (социальное положение: была женой чиновника), *очень хорошая женщина* (оценочная характеристика с точки зрения рассказчика). Можем предположить, что разные номинации здесь представляют разные точки отсчета в перспективе времени, или, по терминологии В. Шмида, временные точки зрения, которые обозначают «расстояние между первоначальным и более поздним восприятием событий» [7, с. 124]. В следующих далее предложениях характеристика персонажа дополняется новыми дескрипциями. Сначала перед нами *матушка* и *родительница* (номинация в ретроспекции), но тут же при выборе имени для сына она превращается в *покойницу* (предположим, что это взгляд рассказчика из настоящего) и – совершенно неожиданно – в *старуху*. Такое совмещение разных временных срезов, с одной стороны, создает комизм, порождает эффект абсурдности, подобный эффекту оксюморона (*подумала покойница*), и хорошо вписывается в концепцию всего произведения: появление героя на свет представлено так же комично и абсурдно, как и все его существование. С другой стороны, совершенно непонятно, почему *родительнице* неожиданно приписывается старость. Такое совмещение денотативных пространств может формировать у читателя впечатление, что *матушка* уже на склоне лет смотрит на происходящее со стороны и из будущего участвует в выборе имени. Только с какой целью используется этот художественный прием? Совмещение разных временных планов, в том числе гипотетических, при назывании персонажей в произведениях Гоголя не редкость и обычно вызывает комический эффект. Ср. в «Мертвых душах»: *Я его прочу по дипломатической части. Фемистоклюс, ... хочешь быть посланником? – Хочу, – отвечал Фемистоклюс, жуя хлеб и болтая головой направо и налево. В это время стоявший позади лакей утер посланнику нос, и очень хорошо сделал...* Здесь номинация «из будущего» *посланник* вполне оправданна, поскольку только что речь шла именно о том, какие успехи пророчат ребенку родители. В другом примере, из «Пропавшей грамоты», рассказчик вначале настраивает слушателей на то, что рассказ будет о событии, *что давно-давно, и года ему и месяца нет, деялось на свете!*, а потом главного героя – деда – называет покойным (*Покойный дед, надобно вам сказать, был не из простых в свое время козаков; Всплеснул руками покойный дед; Покойный дед был человек не то чтобы из трусливого десятка*), тем самым указывая на огромную временную дистанцию между повествуемым событием и настоящим моментом.

Приведенный нами пример с немотивированной, на первый взгляд, номинацией *старуха*, может подтверждать слова А.М. Ремизова о том, что у Гоголя «все совершается без 'потому' и уж никак непредвиденно» [цит. по: 5, с. 22]. Однако, как в свою очередь отмечал А. Белый, в гоголевском повествовании «нет ничего „спроста”» [1, с. 56]. Только после целостного анализа произведения становится понятным истинный смысл неожиданного появления лексемы *старуха*. Прежде всего, данная номинация вводит в текст мотив старости, который проходит через всю повесть и персонифицируется в образе старухи-матери, старухи-хозяйки (единственной женщины из ближайшего окружения героя) и самого Акакия Акакиевича, который сразу же после своих крестин попадает в департамент – и он уже с лысиной

на голове (хотя и не суждено ему *дожить до глубокой старости*)³.

При сравнении польских переводов мы убеждаемся, что номинации, не мотивированные контекстом (и поэтому не всегда понятные), переводчики или пропускают, или заменяют более очевидными для читателя контекстуальными вариантами. Напомним порядок появления номинаций в анализируемом фрагменте оригинала:

покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина – матушка – родительница – покойница-старуха – старуха.

Подбор эквивалентов в польских переводах выглядит следующим образом:

(1) *Nieboszczka matka jego, również żona urzędnika i bardzo pocziwa kobieta – położnica – nieboszczka – nieboszczka - nieboszczka* (Е. Вышомирский);

(по-русски соответственно: его мать-покойница, также жена чиновника и очень добрая женщина – родительница – покойница – покойница – покойница);

(2) *Nieboszczka matka jego, żona urzędnika i bardzo porządna kobieta – położnica – nieboszczka – staruszka – staruszka* (Г. Карский);

(его мать-покойница, жена чиновника и очень порядочная женщина – родительница – покойница – старушка – старушка);

(3) *Nieboszczka matka, żona urzędnika i bardzo dobra kobiecina – matka – położnica – stara – stara* (Ст. Бачиньский);

(мать-покойница, жена чиновника и очень хорошая женщина – мать – родительница – старая – старая);

(4) *Nieboszczka mateczka, żona urzędnika i bardzo zacna kobieta – matka – matka – nieboszczka – staruszka – starucha* (Я. Партыка);

(покойница-матушка, жена чиновника и очень почтенная женщина – мать – мать – покойница – старушка – старуха).

Как видим, наибольшие затруднения у переводчиков вызывает номинация *старуха*. В одном из анализируемых переводов (1) она вовсе пропущена, в остальных находим несколько эквивалентов: *staruszka*, *starucha*, *stara* – и каждый из них имеет различную коннотацию. По поводу того, насколько существенно учитывать при переводе семантические нюансы, выдающаяся переводчица Нора Галь писала: «Важно услышать, уловить разницу между лицом *морщинистым* – и *изрезанным, изборожденным морщинами* (когда нужно нарисовать не просто старость, а умудренность горем, жизненным опытом)»⁴ [3, с. 86]. В нашем случае в слове *старуха* прослеживается коннотация ‘дряхлая’, выражается оценка без симпатии. В польском языке разница между лексемами *starucha* (разг., презрит.) и *staruszka* (уменьш.) примерно такая же, как между словами *старуха* и *старушка* в русском; наиболее подходящий в данном случае вариант с использованием субстантивированного прилагательного *stara* предложен в переводе (3) (ср. с русским субстантивом *старая*).

Как же влияет на восприятие художественных образов и нарратива в целом опущение при переводе немотивированной номинации или замещение ее контекстуально обоснованным синонимом? В переводе (1) переданы номинации *matka* (*мать, матушка*), *położnica* (*родительница*), *nieboszczka* (*покойница*), соответственно, отражены только мотивы рождения и смерти; в переводе (2) появляется номинация *staruszka* (*старушка*), которая, как мы уже сказали, имеет другую коннотацию, нежели рус. *старуха*; в переводе (3), несмотря на то что очень удачно подобран польский эквивалент *stara* (*старая*), пропущено, между тем, слово *покойница*, что сужает символику рождения героя⁵; в переводе (4) происходит варьирование номинаций: *mateczka* (*матушка - уменьш.*) / *matka* (*мать - нейтр.*), *nieboszczka* (*покойница*), *staruszka* (*старушка - уменьш.*) / *starucha* (*старуха - пренебр.*) – однако из-за отсутствия слова *родительница* ускользает тот факт, что крещение происходило сразу же после рождения ребенка, которое случилось ночью:

Родился Акакий Акакиевич против ночи, если только не изменяет память, на 23 марта.

М. Вайскопф обращает внимание на параллелизм ситуаций: матушка лежала против дверей / расположилась окрестить ребенка против ночи – и называет крещение Акакия Акакиевича ложным, хотя бы потому, что этот обряд принято совершать в дневное время [2, с. 431]. Отметим также, что в переводе (4) изменено время рождения и герой появляется на свет не против ночи, а к утру (пол. *nad ranem*), тем самым существенно меняется символика обстоятельств, ср.:

... i to zdarzyło się w taki sposób: Akakiusz Akakijewicz urodził się, o ile tylko pamięć mnie nie zawodzi, nad ranem 23 marca.

М. Вайскопф охарактеризовал образ Акакия Акакиевича как заведомо неполный и недоовоплощенный, «в котором приметы изначальной размытости, недостроенности переплавлены в ущербные черты „маленького человека”» [2, с. 486]. Действительно, рождение и смерть героя смешиваются в одно (рождается у покойницы-старухи), про отца в повести не известно ничего, кроме того, что ходил в сапогах и ко времени рождения сына уже не жил (т.е. также был покойником); никому не известно, кто и когда определил на службу этого лысого чиновника; его никто не замечал, он был как насекомое для окружающих (о чем говорят сравнения в повести типа *простая муха, обыкновенная муха*); он сам не замечал окружающего мира, жил *как будто бы никого и не было перед ним*; умер в доме хозяйки-старухи; после своей смерти жил еще несколько дней в виде мертвеца-привидения. Рождение размыто, жизнь не замечена и смерть неопределенна...

Образ бедного чиновника, который на протяжении всей повести размывается и строится на недосказанностях и парадоксах, благодаря номинациям и дескрипциям лиц из окружения героя восполняется и таким образом «прорезается из тумана всевозможных слухов, обобщений и неопределенностей» [2, с. 486]. Кроме того, кажущиеся странными номинации в завуалированной форме позволяют восстановить предысторию событий. К примеру, мы узнаем, что мать героя ко времени, описываемом в повести, уже умерла (*покойница*), что дожила она до старости (*старуха*), что отец умер раньше матери (*Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий*). В другом фрагменте:

И отец, и дед, и даже шурин, и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах

– благодаря мимолетному упоминанию о шурине мы можем предполагать вдовство героя, хотя некоторые исследователи склонны видеть в таких «неожиданностях» лишь гоголевские парадоксы. «Какой шурин, т.е. брат жены, может быть у холостого Башмачкина?», – задается вопросом М. Вайскопф [2, с. 431]. Такого рода примеры, однако, являются яркими особенностями гоголевской наррации, деконструирующей историю, в которой автор, сознательно размывая рассказ, подспудно информирует читателя о важном.

Как видим, «неожиданные» номинации в гоголевском повествовании оказываются имплицитными составляющими, раскрывающими художественные образы, развивающими определенные мотивы и помогающими восстановить утраченную цепочку событий. Они, выражаясь словами М. Вайскопфа, «не стилистическая причуда, а прозрачный намек на существо дела» [2, с. 430], поэтому их опущение или искажение при переводе может привести к серьезным модификациям авторских интенций.

Примечания

¹ Формулировка А.Д. Шмелева в: [6, с. 33].

² Польские переводы повести «Шинель» появлялись с 1844 года в полных и сокращенных версиях; в данной статье мы обращаемся к четырем наиболее известным из них: Ст. Бачинский (1927), Е. Вышомирский (1950-1956?), Г. Карский (1965), Я. Партыка (2000).

³ По замечанию М. Вайскопфа, «вицмундир ... становится тут чем-то вроде родильной сорочки» [2, с. 435].

⁴ Сохранен авторский курсив.

⁵ В этой сцене можно заметить еще одно обстоятельство, словно мимоходом указанное Гоголем: матушка еще лежала на кровати против дверей... М. Вайскопф по этому поводу предполагал, что она лежала к дверям ногами – так, как укладывают покойников [2, с. 430].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белый, А. Мастерство Гоголя: Исследование / А. Белый. – М.: МАЛП, 1996.
2. Вайскопф, М. Сюжет Гоголя. Морфология, идеология, контекст / М. Вайскопф. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002.
3. Галь, Н. Слово живое и мертвое. / 5-е изд. доп. / Н. Галь. – М. Международные отношения, 2001.
4. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 3/Т.5 / Н. Гоголь. – М., 1984.
5. Носов, В.Д. «Ключ» к Гоголю: опыт художественного прочтения / вступ. статья Б. Филиппова. / В.Д. Носов. – Лондон: Самиздат, 1985.
6. Шмелев, А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002.
7. Шмид, В. Нарратология/ В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003.
8. Gogol, M. Płaszcz (tłum. G. Karski). Rzeszów, 1988.
9. Gogol, M. Szynel i inne opowiadania (tłum. J. Partyka). Krakow, Wyd. Zielona Sowa 2000.
10. Gogol, M. Szynel. Opowiadania (tłum. J. Tuwim, J. Wyszomirski). Warszawa 1983.
11. Gogol, N. Płaszcz tłum. St. Baczyński, [w:] Portret, Wyd. Rój, Warszawa 1927, s. 83-126.
12. Słownik języka polskiego, red. M. Szymczak, t. 1–3. PWN, Warszawa 1995.

Материал поступил в редакцию 10.05.18.

TRANSLATION ISSUES OF THE NOMINATIONS OF INCIDENTAL CHARACTERS IN THE N.V. GOGOL'S NARRATION

Ye.V. Blizniuk-Biskup, Master, Teacher
Faculty of Applied Linguistics,
University of Warsaw, Poland

Abstract. *This article deals with the "unexpected" nominations, or nominations, not motivated in the context, which can cause difficulties at interpretation and translation based on the short story *The Overcoat* by N.V. Gogol and its Polish translations. The role of these nominations in development of certain motives in the narration and in restoration of the backstory lost in narration is shown.*

Keywords: *nomination, Gogol's narration, break in the narration, issues of the translation into Polish, transfer of author's intensions.*

UDC 80

LITERAL VS. FREE TRANSLATION METHODS ON THE BASIS OF TWO EIGHTEENTH CENTURY RENDITIONS

Agnieszka Kałużna, Ph.D., Assistant Professor
The University of Zielona Góra, Poland

Abstract. *The article aims at presenting literal and word-for-word translation method in “The Pilgrim’s Progress” by John Bunyan and its Polish translation entitled „Droga pielgrzymującego Chrześcijanina do wieczności błogosławionej” by Stefan Cedrowski (1764). As a contrast to faithful method, free translation strategy is demonstrated based on “Poor Richard’s Almanack” by Benjamin Franklin and its anonymous translation entitled „Rada poczciwego Ryszarda jak żyć na świecie” (1793). The theoretical scope of the paper encompasses definitions of literal and free methods, as well as brief etymology of those concepts. Additionally, it takes into account the eighteenth century translation theories as to which methods were recommended by writers and translators of the Enlightenment Age. The practical part of the work focuses on the analysis of relevant samples of authentic texts in order to examine occurrence of the mentioned methods. The findings are juxtaposed and scrutinized comparatively. Finally, conclusions are drawn.*

Keywords: *literal translation method, word-for-word translation method, translation strategy.*

1. Literal vs. free translation methods from historical perspective

The interest in translation has had a long history. One of the first translators who expressed his opinions on the theory of translation was Cicero (106-43 B.C.E.). His theoretical views on how translators should approach a text or a speech were interesting and seem universal even today, as he had courage to believe that interpretation of the original should have priority over faithfulness of words:

Cicero is often considered the founder of Western translation theory; certainly, he is the first to comment on the processes of translation and offer advice on how best to undertake them. His remarks on pedagogical use of translation from Greek to Latin in the training of an orator were expanded by Horace, Pliny the Younger, Quintilian, and Aulus Gellius in Rome, adapted for medieval Christian theology by Jerome, and cited repeatedly by Catholics and Reformers and Humanists in support of their translatorial and pedagogical principles from the fourteenth to the seventeenth centuries (Robinson 1997: 7).

Cicero was the supporter of free translation method, although at that time, definitions of such concepts were not clearly stated and were more instinctive and individual than empirical. Cicero’s preference of the free strategy in translation was in minority as it was when the debate oscillated between two contradictory approaches in translation: literal vs. free method. Then, there was a common belief that faithfulness of words equalled faithfulness of the meaning; Cicero was of a different opinion and had courage to justify his selection of free method accordingly:

I decided to take speeches written in Greek by great orators and to translate them freely, and I obtained the following results: by giving a Latin form to the text I had read I could not only make use of the best expressions in common usage with us, but I could also coin new expressions, analogous to those used in Greek, and they were no less received by our people as long as they seemed appropriate (Lefevre 1992: 46-47).

Later, translation was more widely discussed in the Age of Renaissance, to be more specific at the end of the mentioned age, when universal Latin was gradually replaced by relevant national languages in translation:

Wytworzyły się wtedy dwa przeciwstawne poglądy. Wedle jednego należy tłumaczyć z możliwą wiernością. Pogląd ten zyskał szerokie uznanie w okresie Reformacji – w odniesieniu do tłumaczeń *Pisma św.* i dzieł teologicznych. Natomiast w odniesieniu do dzieł poetów, historyków, mówców, moralistów – przewagę zdobył bardzo szybko pogląd przeciwny. Wedle niego należy z klasyków brać, co się uważa za piękne czy pożyteczne, i przenosić to do literatury własnej z całkowitą swobodą. Dzieło obce miało być więc tylko zbiorem materiałów czy „pożywienia”. Jest to sławetna zasada, którą różni teoretycy różnie określali: jako „korzystanie” z klasyków, jako „pożyczanie” od nich, „łupienie” ich czy po prostu „okradanie” (Rusinek 1955: 23).

Two antagonistic views emerged, then. Pursuant to one of them, translation should be rendered faithfully. Such approach was widely approved of in the Age of Reformation, particularly in reference to the translations of *the Holy Scripture* and theological works. However, as regards the works of poets, historians, orators and moralists the opposite view quickly gained dominance. Compliant with the other view, a translator should feel free in deciding which aspects of the classic literature could be regarded as beautiful or useful, and should transfer them to his own literature accordingly. Following this reasoning, one may assume that the foreign original was supposed to be just a collection of material or “food for thought” to translate. This is a famous rule that was defined differently depending on a theoretician: as “using” classic patterns, as “borrowing” from classic writers, “plundering” them or just “robbing” them (Translated by Agnieszka Kałużna).

It was when the role of translation was perceived as enriching the domestic literature, its language and its significance. The borders between translation and paraphrase, imitation and original were vague and inessential.

The eighteenth century theoretical concepts of translation were quite romantic and utopian, as a translator was considered to be a painter and spirited genius who via his artistic soul could manifest beauty of the original in translation. Such views on translation were shared by Johann Wolfgang von Goethe (1749-1832):

[...] argued that every literature must pass through three phases of translation [...] The third mode, which he considers the highest, is one which aims for perfect identity between the SL text and the TL text, and the achieving of this mode must be through the creation of a new ‘manner’ which fuses the uniqueness of the original with a new form and structure. [...] Goethe is arguing for both a new concept of ‘originality’ in translation, together with a vision of universal deep structures that the translator should strive to meet (Bassnett 1991: 62-63).

Therefore, one may infer that the preferable method of translation was the free one as the art of translation was supposed to embellish the original and bring fame and glory to the translator who was more a creator than a reproducer of the original content.

Perhaps one of the most significant works concerning theory of translation were included in *Essay on the Principles of Translation* (1791) delivered by Alexander Fraser Tytler (1747-1813). In his essay, he presented three principles, which should feature a translation:

- (1) The translation should give a complete transcript of the idea of the original work.
- (2) The style and manner of writing should be of the same character with that of the original.
- (3) The translation should have all the ease of the original composition (Bassnett 1991: 63).

Thus, the translator was granted the power to shape the original freely so that it achieved the intended goals. The principles encouraged the translator to experiment with the source text and use one's creativity to reach for perfection. The eighteenth century translator as pictured by Tytler could be the following:

[...] a letter-day judge, combining the qualities of critic and peerless writer, whose task it is to present the original author, as he himself would have wished to be presented, free of blemishes and faults. The translator, in effect, functions as a kind of censor, who always has the true interest of author and reader in view. [...] The translator appears as the partner of the original author, fully equal and in some ways even superior! (Weissbort, Eysteinnsson 2006: 188).

The above-mentioned opinions regarded mainly free translation method as an approach to be recommended in the craft of translation. However, the debate whether to translate in a literal or free way was very heated, especially when it came to criticism of the word-for-word strategy in translation. A few representatives of the Polish Enlightenment Age were quite eager to express their critical views in this regard. One of such writers was Franciszek Bohomolec (1720-1784) who openly criticized word-for-word approach in translation:

Nie na słowa, ale na rzecz w tłumaczeniu oglądać się należy. To sztuka, to chwalebne tłumaczenie, kiedy ja myśl autora gładko i żywo wyrażę, choć innymi daleko słowy. Gdzie mi trzeba, tam rozszerzę, a gdzie widzę, że się autor niepotrzebnie rozszerza, tam krócej też samą rzecz wyrażę, to zawsze mając na oku, żebym nie tylko zrównał, ale i przesadził żywością mego wyrażenia wyrażenie tego autora, którego tłumaczę. [...] Tak tłumaczyć jest tłumaczyć mądrze i rozumnie; do słów zaś przywiązywać się jest tłumaczyć po dziecinnemu i niewolniczemu. Nie wątpię tedy, że słowo w słowo przekładając, nie będzie tak gładko w polszczyźnie, jak gładko w tym, z którego przekładasz, języku (Balcerzan 1977: 71-72).

Not words but the meaning should be taken into account in translation. This is an act of noble art when I express the author's thought in a lively and smooth manner, although via completely different words. Where the need is, I can add the content, and where I can see that the author adds unnecessarily, then I can express the same in a shorter way. However, I should always bear in mind that I should not exaggerate. [...] Such a translation is reasonable and wise; clinging to words characterizes the translation that is slavish and childish. There is no doubt that translating word for word does not guarantee as smooth transference in the Polish language as it does in the source language (Translated by Agnieszka Kałużna).

Thus, Bohomolec's view on translation resembles Cicero's opinions in line with which interpretation of the original meaning seems the most adequate and desired. The literal approach, especially word-for-word, is called slavish in a pejorative way and suggests it should be avoided in translation.

Bohomolec was not the only one to ostracize literal method in translation, his ideas were shared by another Polish writer, Ignacy Krasicki (1735-1801). His sharp, critical tongue leaves no doubt as to which translation method should be exercised:

Tłumaczenie zdaje się być wielu wyznaniem upokarzającym własnej niezdolności. [...] Tłumacze albo naśladowcy przywiązujący się szczególnie do słów sprawiedliwie nazwani są od Horacjusza bydłęcą trzodą. Reguły prawego tłumaczenia nie na tym zasadzone są, aby peryjody według pierwiastka ułożenia przekładać i w jednakim inaczej przestrojone słowa stawiać języku. Jeżeli albowiem język każdy właściwe ma swoje wyrażenia sposoby, przymuszać więc swój własny, żeby wziął na się przymioty tłumaczonego, i praca trudna, i skutek zawodny. Zawždy albowiem takowe tłumaczenie wdzięk rodowity traci, a oryginalnego nie dojdzie. Do myśli, a nie do słów autora przywiązywać się powinien tłumacz (Balcerzan 1977: 74).

For many writers translation seems to be a humiliating confession of their own disability to translate. [...] Translators or imitators, putting too much importance to words, are justly called animal cattle by Horace. Rules on rightful translation are not about replacing periods and words between the source and target languages in line with some rigid algorithm. Realizing that each language has its own ways of expression makes the translator understand that forcing the target language to manifest the features of the source language is difficult and illusive. Consequently, translation loses its domestic as well as original charm. A translator should express thoughts, not words (Translated by Agnieszka Kałużna).

Krasicki's severe words towards literal translators give us an idea of which translation method was recommended and frequented by eighteenth century writers, namely free translation strategy.

Euzebiusz Słowacki's (1772-1814) deliberation on translation seems congruent with his contemporaries, as he seriously doubted literal approach could bring positive effects in translation:

Wątpić nie można, że wierność powinna być pierwszą każdego tłumaczenia zaletą: sam ten wyraz nawet mieści w sobie wyobrażenie dzieła podobnego do wzoru, na który się tłumacz zapatrywał. Lecz na czym ta wierność zależy? Czy się ona gruntuje na niewolniczym kopiowaniu i słownym przekładzie każdego wyrazu, czy na zgłębianiu myśli, przejęciu się duchem wzoru i oddaniu ich podług natury i toku mowy ojczystej? [...] Niepodobna słownie tłumaczyć z jednego języka na drugi (Balcerzan 1977: 126-127).

Undoubtedly, a virtue of each translation should be faithfulness; the word itself brings into mind a piece of work similar to its original. What is this faithfulness all about, though? The question remains whether it is about slavish copying and diligent translating each word or whether it is about penetrating original thoughts and the spirit of the original to transfer them in the native language. [...] It is impossible to translate word for word from one language into another (Translated by Agnieszka Kałużna).

Similarly, to the above-mentioned writers, let the opinion of Adam Kazimierz Czartoryski (1734-1823) summarize the attitude shared by majority of representatives of the Polish Enlightenment Age:

Tłumaczyć literalnie to wokabularz spisywać. [...] Dosłowni tłumacze nie zastanawiają się nad tym, że słowa też same we dwóch językach różnią się jednak między sobą, co do zupełności tożsamego znaczenia (Balcerzan 1977: 90-91 in Kałużna 2011: 15).

Literal translation is the act of listing words. [...] Literal translators do not realize that the same words in two different languages are not identical and vary in terms of their meaning (Translated by Agnieszka Kałużna).

The presented overview of selected English and Polish opinions on translation allows to infer that the advisable method, as encouraged by eighteenth century writers, was the free translation strategy. Following free method in translation was regarded as adequate, whereas clinging to words in translation was considered to be childish and slavish.

2. Literal method in “The Pilgrim’s Progress” by John Bunyan and its Polish translation

Stefan Cedrowski translated “The Pilgrim’s Progress” in 1764. His rendition was entitled „Droga pielgrzymującego Chrześcijanina do wieczności błogosławionej” and it was the first secular book translated from English and made available to the Polish readers. The striking feature of the translation, which is quite noticeable, is the literal and sometimes even word-for-word method used by Stefan Cedrowski.

Original	Translation
[...] I saw a man clothed with rags, standing in a certain place, with his face from his own house [...] (Bunyan 2002: 7).	[...] i usnąwszy widziałem we śnie człowieka (*) <i>Szatką splugawioną i odartą</i> odzianego, który stał mając obrócony tył ku własnemu Domowi swemu [...] (Bunyan 1764: 1).

The presented example shows Cedrowski's deliberate effort to be as faithful to the original as possible. The fragment: *with his face from his own house* probably means that the main character of the book does not face his house but stands with his back facing the house. Cedrowski, in the attempt to remain literal and loyal to the original, followed words a little too slavishly and, as a result, forgot about the meaning, which had been lost in the process of transferring the message from the source language to the target language. The translation sounds weird, lacks naturalness and seems artificial.

Original	Translation
So, when the morning was come, they would know how he did (Bunyan 2002: 8).	Gdy dzień oświtnął, przyszli badając się, jakby się miał (Bunyan 1764: 3).

This time one may identify each word, which has been replaced in the process of translation. Thus, this instance illustrates word-for-word translation method as each source word has its immediate equivalent in the target language. Although, the form has been intact, the meaning does not seem natural. The translation seems misleading, as it is not clear who does what in the analysed fragment.

Original	Translation
I saw also that he looked this way and that way, as if he would run [...] (Bunyan 2002: 8).	Postrzegłem także, że rzucił oczyma po wszystkich stronach, jako Człowiek, który szukał sposobu jakby uszedł (Bunyan 1764: 3).

Cedrowski intentionally avoids interpretation of the original meaning and pays particular attention to each word as if each word carried a separate message. The translation *rzucił oczyma po wszystkich stronach* proves how diligent Cedrowski was. In the pursuit of perfection, which he understood as preserving the word, the meaning and how the translated word would be understood seems of a secondary significance. The second part of the translation: *który szukał sposobu jakby uszedł* seems equally ambiguous as the first part. One may only imagine how difficult it must have been for the Polish reader to grasp the original message based on such rigid and uncompromising translation.

Original	Translation
And, Sir, if I be not fit to go to prison, I am not fit, I am sure, to go to judgement, and from thence to execution; and the thoughts of these things make me cry (Bunyan 2002: 8).	Toć tedy mój Przyjacielu, jeżeli nie mam sposobności znieść więzienia, jakoż daleko mniej będę mógł ostać się przed Sądem i podlegać wyrokowi? Te myśli wycisnęły ze mnie ten smętny Lament (Bunyan 1764: 4).

As in the examined sample, Cedrowski tries to preserve the same word order and grammatical structure as in the original. The expression: *if I be not fit* is perfectly reproduced in the translation

in terms of word sequence: *if – jeżeli, not fit – nie mam sposobności*. However, as a result of such diligence of word correspondence, the meaning seems inhibited and inferior. The fragment *te myśli wycisnęły ze mnie ten smętny Lament* is also quite ambiguous. The translation seems to imply that the thoughts caused sadness to the main character, whereas in fact it should be made clear that the thoughts made him cry.

Original	Translation
The man whose picture this is, is one of thousand; he can beget children [1 Cor. 4:15], travail in birth with children [Gal. 4:19], and nurse them himself when they are born . And whereas thou seest him with his eyes lift up to heaven, the best of books in his hand, and the law of truth writ on his lips [...] (Bunyan 2002: 26).	Ten Człowiek jest jeden z Tysiąca może spłodzić Dziaćki i byđ sam w pracy rodzenia, i on sam je wychowywa, wydawszy na świat . To zaś, że widzisz mającego oczy ku Niebu, księgę najlepszą ze wszystkich w Ręku, zakon prawdy na Jego wargach [...] (Bunyan 1764: 30).

This fragment abounds with references from the Bible and that was probably the reason why the translator liaised with literal method so closely. It is interesting to observe that even when the references from the Bible finished, the translation method did not change. The translator reluctantly turns to interpretation of the original message and deliberately avoids free method in his translation. As it seems, words are particularly valuable to Cedrowski, definitely equally or even more essential than the message they carry.

Original	Translation
1. The Lord, the Governor of the country (Bunyan 2002: 12).	1. Najwyższy Rządca tego miejsca (Bunyan 1764: 10).
2. Mr. Worldly Wiseman (Bunyan 2002: 14).	2. Mędrzec światowy (Bunyan 1764: 14).
3. Wearisomeness, painfulness, hunger, perils, nakedness, sword, lions, dragons, darkness (Bunyan 2002: 16).	3. Boleści, Prace, Głód, Niebezpieczeństwo, Nagość, Miecz, Lwy, Smoki, Ciemności (Bunyan 1764: 16).
4. Forbidden paths (Bunyan 2002: 21).	4. Droga zakazana (Bunyan 1764: 24).
5. [...] wrath to come (Bunyan 2002: 22).	5. [...] Gniew następujący (Bunyan 1764: 26).
6. Hypocrisy (Bunyan 2002: 35).	6. Obłudnik (Bunyan 1764: 46).
7. The land of Vain-glory (Bunyan 2002: 35).	7. Kraj próżnej chwały (Bunyan 1764: 47).

Characteristic feature of the translation is using capital letters where they do not occur in the original. Probably, the application of the capital letter serves the purpose to emphasize its significance. It seems as if Cedrowski put a lot of effort to imitate the style of the Bible and was really faithful to it, even when the source text did not witness it.

In the example: *the Lord, the Governor of the country*, the translator omitted a coma and, despite following words slavishly, the meaning has been slightly altered. The listed proper names are symbolic and, perhaps, could be interpreted in a more figurative and metaphoric manner; nevertheless the translator did not decide to take such risks. Cedrowski's diligence in preserving sequence of words is astonishing. It is easy to identify each target language equivalent which immediately matches the source language item. At the same time, the translation does not surprise, as it does not feature originality. One may virtually feel the translator's endeavor to remain faithful to the original; he does not attempt to be creative and inventive in terms of deploying translation equivalents.

Cedrowski's translation of "The Pilgrim's Progress" by John Bunyan is rendered in compliance with the style of the Bible. Apparently, the translator treated this secular book the way

the Holy Scripture should be approached; that is in the manner as if each and every word was sacred. Cedrowski avoided interpretation of the original and did not allow himself to creativity in finding translation equivalents. Perhaps, he believed the word of God was perfect and therefore should not be altered, which is so salient in his translation.

3. Free method in “Poor Richard’s Almanack” by Benjamin Franklin and its Polish translation

„Rada poczciwego Ryszarda jak żyć na świecie” was translated anonymously in 1793. It was issued in the form of the annual almanacs, which were very popular in the eighteenth century. The characteristic feature of the translation is the application of free method used by the translator.

Original	Translation
<p>Friends, says he, and neighbours, the taxes are indeed very heavy, and if those laid on the Government were the only ones we had to pay, we might more easily discharge them; but we have many others, and much more grievous to some of us. We are taxed twice as much by our <i>idleness</i>, three times as much by our <i>pride</i>, and four times as much by our <i>folly</i>, and from these taxes the commissioners cannot case or deliver us by allowing an abatement. However let us hearken to good advice, and something may be done for us; God helps them that help themselves, as <i>Poor Richard</i> says, in his Almanac of 1733 (Franklin 1898: 42).</p>	<p>Kochani przyjaciele i życzliwi sąsiedzi! Jest prawdą, że nałożone pobory bardzo nas uciskają, wszakże gdybyśmy tylko te opłacali, które od nas rząd wybiera, jeszcze byśmy od biedy wytrzymać je mogli, ale porachujmy no inne nakłady nasze nierównie uciążliwsze: i tak na przykład lenistwo dwa razy nam tyle co rząd zabiera, duma odejmuje nam trzy razy tyle, a nieuwaga jeszcze więcej nad to wszystko. Pobory takowe tym są straszniejsze, że ich ani uniknąć, ani zmniejszyć nie można. Dla tego jednak nie traćcie nadziei, żeby się z nich oswobodzić nie podobna było. Słuchajcie tylko głosu dobrej rady, gdyż jak poczciwy Ryszard powiada, P. Bóg mówi do człowieka pomagaj sobie, a i ja ci dopomogę (Franklin 1793: 6-7).</p>

The analysed sample seems to constitute a form of paraphrase of the original in which the strain of thoughts has been retained, yet the source language words have been altered to suit the context. The translation features total liberty in terms of interpreting the original content. This time the word or line is not a finite sequence of signs but it is the thought that determines when the interpretation begins and where it ends. Even the fragment which is derived from the Bible is translated as a form of adaptation. The translator deploys the words freely treating them as carriers of meaning, and not representations of style. The translation reads smoothly and seems natural. One may even risk a statement that it feels as if it was a piece of authentic text, and not a translation.

Original	Translation
<p><i>Sloth</i>, by bringing on diseases, absolutely shortens life. <i>Sloth, like rust, consumes faster than labour wears, while the used key is always bright</i>, as <i>Poor Richard</i> says. But <i>dost thou love life, then do not squander time, for that’s the stuff life is made of</i>, as <i>Poor Richard</i> says. ... How much more than is necessary do we spend in sleep! Forgetting that <i>the sleeping fox catches no poultry</i>, and that <i>there will be sleeping enough in the grave</i>, as <i>Poor Richard</i> says (Franklin 1898: 48).</p>	<p>Próżnowanie osłabia siły, i nieznacznie życie skraca; próżnowanie, zdaniem poczciwego Ryszarda, zjadliwsze jest od rdzy; bardziej wyniszcza jak praca, i dlatego widzimy, że klucz w codziennym używaniu nigdy nie śniedzieje. Jeżeli więc życie miłujesz, nie trwoń na próżno czasu, bo z niego życie się składa. Ileż go nam sen nie zabiera, nad to co mu podług natury oddawać byśmy powinni, zapominając: że lis śpiący nigdy kur nie łapie, i że będzie dla nas dość czasu do spoczywania kiedy w ziemi legniemy (Franklin 1793: 9).</p>

The translator fluently tailors the source text to his own preference and his utmost priority is sense. This anonymous translator manipulates the original by adjusting it according to his own interpretation: *bringing on diseases – osłabia siły, absolutely shortens life - nieznacznie życie skraca, like rust – zjadliwsze jest od rdzy*. This translation is easy to understand and that is why, perhaps reader's comprehension was important to the translator. It feels authentic and does not carry the traces of translation; therefore, it makes an impression as if it was a piece of genuine, not translated text.

Original	Translation
<p>So what signifies <i>wishing</i> and <i>hoping</i> for better times. We may make these times better if we bestir ourselves. <i>Industry need not wish as Poor Richard</i> says, and <i>he that lives upon hope will die fasting. There are no gains, without pains</i>; then <i>help hands, for I have no lands</i>, or if I have, they are smartly taxed. And, as <i>Poor Richard</i> likewise observes, <i>he that hath a trade hath an estate</i>, and <i>he that hath a calling hath an office of profit and honour</i>; but then the <i>trade</i> must be worked at, and the <i>calling</i> well followed, or neither the <i>estate</i>, nor the <i>office</i>, will enable us to pay our taxes. ... If we are industrious we shall never starve (Franklin 1898: 45)</p>	<p>Co znaczą owe życzenia i nadzieje nasze? Wzdychamy do lepszych czasów. Czas zawsze dla nas będzie dobrym kiedy się na odmianę jego spuszczać nie będziemy. Przemysł, jak nasz poczciwy Ryszard powiada, żadnych nie potrzebuje życzeń. Kto samymi żyje nadziejami, musi z głodu umierać. Nie masz zbytku bez trudów; rób własnymi rękoma, kiedy nie masz ziemi, a choć ją i masz, wszak wiesz jakie z niej pobory opłacać przychodzi. I dlatego, dobrze mówi poczciwy Ryszard, rzemiosło stanie za ziemię; to mi to funkcja, co z sobą honor i zysk bez żadnego wydzierstwa przynosi. Lecz trzeba do tego nieodstępnej pilności i zarabiania sobie u ludzi na kredyt, inaczej największe fundusze i magazyny nie opędzą potrzeb twoich. Człowiek zabiegły niech się głodu nie lęka (Franklin 1793: 11).</p>

The presented fragment, being a form of interpretation, must have been challenging to translate. The issues discussed in the sample are abstract concepts, which may be conceived and expressed differently depending on the person's own point of view. Therefore, the translator's only choice as to the method of translating was the free strategy. The text abounds in examples of free translation method and almost each part of the original text constitutes a kind of translation paraphrase. Perhaps, instances which may serve as models for free translation methods are: *there are no gains, without pains* translated into *nie masz zbytku bez trudów* and *if we are industrious, we shall never starve* rendered as *człowiek zabiegły niech się głodu nie lęka*. They illustrate how skillful the translator was in transferring the meaning, though with inhibition of the original wording. However, it has to be emphasized that whenever the translator is forced to choose between words / form and meaning / content, he invariably selects sense. Thus, words are sacrificed for the benefit of the meaning and consequently, the meaning has the priority over words.

Original	Translation
<p>Leisure is time for doing something useful; this leisure the diligent man will obtain, but the lazy man never; so that, as <i>Poor Richard</i> says, <i>a life of leisure and a life of laziness are two things</i>. Do you imagine that sloth will afford you more comfort than labour? No, for as <i>Poor Richard</i> says, <i>trouble springs from idleness, and grievous toil from needless ease</i>. <i>Many without labour, would live by their wits only, but they break for want of stock</i>.</p>	<p>Spoczynek może być obrócony na coś pożytecznego. Człowiek tylko pracowity może w takim rodzaju spoczynku smakować, ale leniwiec go nie zazna. Życie spokojne, jak powiada Ryszard, a życie próżniackie są dwie rzeczy wcale różne od siebie. Rozumiesz, że lenistwo więcej ci pociechy przyniesie jak praca; mylisz się bardzo, bo lenistwo rodzi zgryzotę, a spoczynek bez potrzeby przynosi tęskliwą nudę.</p>

<p>Whereas industry gives comfort, and plenty, and respect: <i>fly pleasures, and they'll follow you. The diligent spinner has a large shift;</i> and now I have a sheep and a cow, every body bids me good morrow; all which is well said by <i>Poor Richard</i> (Franklin 1898: 47-48).</p>	<p>Wielu jest takich, co by się radzi utrzymywać nie nie pracując, ale im się to nie udaje, bo nie mają na czym się wesprzeć. Przeciwnie przemysł rodzi wesołość, obfitość i wziętość u ludzi. Rozkosz sama goni za tymi co przed nią uciekają. Pracowitej szwaczce nigdy na koszuli nie brakuje. A jak mówi nasz poczciwy Ryszard: odtąd jak mam moją trzodę i krówki, każdy przede mną czapki uchyli, i dobry dzień mi powie (Franklin 1793: 14-15).</p>
--	---

The translator's interpretative method of translating has dominated the source text in the analysed sample. He masterly deciphers the meaning hidden behind words without changing it. The reader is provided with ready-made translation that is easy to understand and it makes an impression it was a piece of authentic writing, not a translation. The examples in which free creativity of the anonymous translator radiates most are probably the following: *człowiek tylko pracowity może w takim rodzaju spoczynku smakować, ale leniwiec go nie zazna, bo lenistwo rodzi zgryzołę, a spoczynek bez potrzeby przynosi tęskliwą nudę, rozkosz sama goni za tymi co przed nią uciekają*. It seems as if the translator made no effort to render the mentioned instances whereas in fact, abstract concepts are considered to be one of the most difficult items to translate. The translation features fluency and naturalness; it is deprived of traces of the translator's workshop.

4. Comparison of literal and free translation method

The dilemma whether literal or free translation method seems the most suitable in a given context has had a long history and haunts translators even today. The problem is that in the art of translation one is never certain whether a selected translation method brings expected results or not. The responsibility lies in the translator's hands and verification whether the translator's effort was a success or failure is made by readers. If one of the criterion to gauge success or failure of a relevant translation is reader's understanding, then perhaps free translation method seems to be the one to guarantee better results in this regard. Such observations have been made by various scholars, among whom, Jadwiga Ziętarska presented her view in the following way:

Z wielu wywodów na tematy przekładowe wynika, że tłumaczenie „co do słowa” – pozornie najbardziej dokładne – wypacza sens, naruszając tym samym zasadę wierności w stosunku do autora oraz obowiązek przekazania odbiorcy tekstu nadającego się do czytania. Wnioski płynące z praktyki translatorskiej pokrywały się niewątpliwie z wiedzą filologów, zwłaszcza gramatyków zajmujących się odmiennością struktur składniowych, zasobów leksykalnych i frazeologicznych języków, porównywanych najczęściej dla celów dydaktycznych. Pisano też o geniuszu, charakterze czy duchu języka. Trzeba tu wskazać zwłaszcza wywody na temat różnic między językami zawarte w osiemnastowiecznych podręcznikach (np. Ch. Rollina, O. Kopczyńskiego, G. Piramowicza czy F. N. Golańskiego) (Ziętarska in Nowicka-Jeżowa i Knysz-Tomaszewska 1997: 30).

From many views on translation one may infer that translation word for word, on the surface the most exact, distorts the meaning, violating the rule of faithfulness towards the author and ignoring the duty towards the reader. Conclusions made by translators overlap with the knowledge acquired by philologists, particularly those who deal with grammar scrutinizing language differences in syntax, lexis and phraseology for the comparative and didactic purposes. One should not underestimate views on genius, character or spirit of the language. These aspects can be traced in elaborations included in the eighteenth century handbooks (e.g. by Ch. Rollin, O. Kopczyński, G. Piramowicz or F. N. Golański) (Translated by Agnieszka Kałużna).

Thus, one may infer that majority of eighteenth century translators complied with free translation method as the model to use in the craft of translation and avoided word-for-word translation strategy:

Lektura materiałów źródłowych z XVII i XVIII wieku prowadzi do wniosku, że wywodzącą się z obiegowej wiedzy filologicznej regułę niedosłowności uznawano na ogół za rudymenarną normę translatorską. Pojmowano ją jednak rozmaicie – mimo wspólnych patronów: Cycerona i Horacego. Zwolennicy przekładowej swobody interpretowali niedosłowność jako argument uprawniający do różnych przekształceń oryginału. Nie był to wszakże ich argument jedyny ani najważniejszy (Ziętarska in Nowicka-Jeżowa i Knysz-Tomaszewska 1997: 32).

Reading the source material from the seventeenth and eighteenth centuries leads to the conclusion that the rule of no-faithfulness was regarded as a translation norm. However, the mentioned rule was understood differently, in spite of common patrons such as Cicero and Horace. Translators who were in favour of translation freedom interpreted this rule to their own preference according to which they were allowed to modify the original and more (Translated by Agnieszka Kałużna).

To what extent theoretical opinions on translation by various representatives of the Polish Enlightenment Age were respected and reflected in their translations requires a separate academic examination. However, the two above-mentioned translations: „Droga pielgrzymującego chrześcijanina do wieczności błogosławionej” by Stefan Cedrowski (1764) and „Rada poczciwego Ryszarda jak żyć na świecie” by anonymous translator (1793) illustrate both translation methods in their extremes. Additionally, both translations provide evidence that word-for-word / literal and free methods were in operation in the eighteenth century Poland.

5. Conclusions

The purpose of the article has been to present literal and free translations methods in operation on the example of two eighteenth century translations. Both translators of the analysed renditions had their reasons for applying a given translation strategy in their work.

Thus, Stefan Cedrowski was inclined towards literal and word-for-word method as he treated Bunyan's secular “The Pilgrim's Progress” as a religious book, which required the style of the Bible. Therefore, for Cedrowski each word was sacred and needed to be reproduced in a genuine form. Perhaps, he erroneously thought that equivalence of a word and form equalled equivalence of the meaning. Such approach to translation was quite popular among translators of the Bible in the eighteenth and earlier centuries. However, representatives of the Enlightenment Age became more and more aware that too rigid and dogmatic translation, which focused more on the word than meaning, would inevitably lead to mistranslation.

Presumably, the anonymous translator of „Rada poczciwego Ryszarda jak żyć na świecie” was acquainted with opinions that the translator should be an artist and spirited poet who by way of his splendid talent enhanced the original by his own interpretation of the source text. In pursuit of genius in translation, the uncompromising form was often abandoned for the art's sake. Thus, meaning was given the priority and translator was a creator of a second original, and not of a mere copy of the source text.

The analysed translations demonstrate evolution of the translator's awareness within one century, from the stilted, fossilized, tight framework of word-for-word translation approach into modern, flexible, liberal free translation method. There is no one and only perfect method that would guarantee ultimate success in the craft of translation as each strategy features certain limitations. When indulging in the literal method, the translator can easily lose sense of the original text as paying excessive attention to words leads to mistranslation. Whereas emphasis put on the meaning only may lead to extended paraphrase and interpretation, which has little in common with the source text.

Comparison of both translation methods makes us realize that one strategy is more advantageous than the other is. This advantage concerns the reader. Unlike the literal method, the free translation approach takes reader's comprehension into account. Additionally, it seems more natural and authentic and does not seem as if it was translation but just a piece of genuine text. Unfortunately, the literal strategy lacks such qualities, which makes it inferior to the free translation approach.

In order to confirm the above mentioned conclusions, research examining more eighteenth century translations should be carried out. Hopefully, discoveries made of the past renditions could provide beneficial background knowledge to contemporary scholars who could take advantage of it in their contemporary work.

REFERENCES

1. Balcerzan, Edward. *Pisarze polscy o sztuce przekładu 1440-1974. Antologia.* Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1977.
2. Bassnett, Susan. *Translation Studies. Revised Edition.* London and New York: Routledge, 1996.
3. Bunyan, John. *Droga pielgrzymującego Chrześcijanina do wieczności błogosławionej.* Przekład Stefana Cedrowskiego. Królewiec: Triest, 1764.
4. Bunyan, John. [Ebook # 131]. *The Pilgrim's Progress from this world to that which is to come.* Project Gutenberg, 1994.
5. Franklin, Benjamin. *Rada poczciwego Ryszarda jak żyć na świecie.* Przekład anonimowy. Warszawa, 1793.
6. Franklin, Benjamin. *Poor Richard's Almanack.* New York: The Century Co., 1898.
7. Kałużna, Agnieszka. *English Literary Translations into Polish until 1800.* Zielona Góra: Oficyna Wydawnicza Uniwersytetu Zielonogórskiego, 2011.
8. Lefevere, Andre. *Translation / History / Culture. A Sourcebook.* London and New York: Routledge, 1992.
9. Nowicka-Jeżowa, Alina. *Knysz-Tomaszewska, Danuta. Przekład literacki. Teoria. Historia. Współczesność.* Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1997.
10. Robinson, Douglas. *Western Translation Theory.* Manchester, UK: St. Jerome Publishing, 1997.
11. Rusinek, M. *O sztuce tłumaczenia.* Wrocław: Zakład Imienia Ossolińskich – Wydawnictwo, 1955.
12. Weissbort, Daniel. *Eyesteinsson, Astradur. Translation – Theory and Practice: A Historical Reader.* Oxford: Oxford University Press, 2006.

Материал поступил в редакцию 26.04.18.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕТОД ПЕРЕВОДА В ПРОТИВОВЕС СВОБОДНОМУ МЕТОДУ, ОСНОВАННЫЕ НА ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ XVIII ВЕКА

Агнешка Калюжная, Ph.D., доцент
Зелёногурский университет, Польша

***Аннотация.** Статья нацелена на представление литературного и дословного методов перевода произведения Джона Баньяна «Путешествие Пилигрима» и его польского варианта, предложенного Стефаном Цендровским. В противопоставление ставится стратегия свободного перевода, которая демонстрируется на основе работы Бенджамина Франклина "Альманах Бедного Ричарда" и её анонимной переводной версии. Теоретическая часть работы включает определения литературного и свободного методов перевода, а также краткую этимологию этих понятий. Кроме того, учитываются теории перевода восемнадцатого века относительно того, какие методы были рекомендованы писателями и переводчиками эпохи Просвещения. Практическая часть работы посвящена анализу соответствующих образцов аутентичных текстов с целью изучения актуальности указанных методов. Результаты сопоставляются и сравниваются. Наконец, делаются выводы.*

***Ключевые слова:** литературный метод перевода, дословный метод перевода, стратегия перевода.*

УДК 81

МЕТАФОРА КАК ДУХОВНАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ЯЗЫКОМ И МИФОМ**М.Н. Красина**, аспирант

Тверской государственной университет, Россия

***Аннотация.** В статье речь пойдёт о связи метафоры с мифологией, языком, о происхождении символических форм. В рамках работ Эрнста Кассирера и некоторых немецких философов и лингвистов рассматривается связь между языком и мифом, мифологическим мышлением и мышлением языковым. Прослеживается идея, что в основе любого мифотворчества находится «базисная метафора», структура мифологического и языкового мира в значительной степени определяется духовными представлениями.*

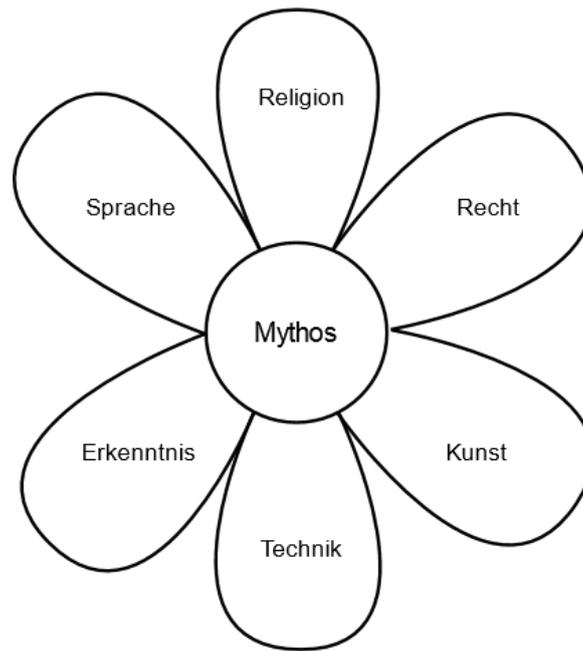
***Ключевые слова:** «базисная метафора», символические формы, мифологическое мышление, Ernest Cassirer, языковое мышление, мифотворчество.*

Многие немецкие философы и лингвисты XVIII-XX вв. обращались в своих работах к метафоре и связи мифа и языка (Э. Кассирер/Cassirer E., Дж. Гердер/Herder J.G., Ф. Шеллинг/Schelling F.W., А. Кун/Kuhn A., М. Мюллер/Müller M., Г. Вернер/Werner H., Г. Узенер/Usener H. и другие).

Мифу, языку и феноменологическому познанию немецкий философ-неокантианец Эрнст Кассирер (Ernst Cassirer) посвящает трёхтомное сочинение «Философия символических форм» 1923-1929 гг. («Die Philosophie der symbolischen Formen»), которое справедливо считают главным его трудом. Это выдающееся философское произведение представляет собой ряд взаимосвязанных исторических и систематических исследований, посвящённых языку, мифу, религии и научному познанию.

Э. Кассирер строит свою концепцию мифа из рассмотрения его как обладающего собственной внутренней структурой. Он утверждает, что миф внутренне и необходимо связан с общей задачей феноменологии, косвенно следует из собственной гегелевской формулировки и определения этого понятия [Cassirer, 1923]. Из этого положения следует то, что миф занимает определённое место в феноменологии духа. Миф является, так сказать, первой врождённой символической формой, которая производит более поздние. Тем не менее, это не должно рассматриваться как предварительный этап, который нужно преодолеть, а как мифологическая основа [Ernst Cassirer Sprache und Mythos, 1994].

Миф он рассматривал как источник, происхождение других символических форм (Ernst Cassirer: Mythos als Ursprung der anderen symbolischen Formen) [https://ru.wikipedia.org/wiki/Кассирер,_Эрнст].

На рисунке сверху можно увидеть многообразие символических форм (миф, язык, знание, культура, религия, право, техника), представленных Кассирером, каждый из которых не сводим к другому и равноправно существует.

Сама символическая форма определяется как априорная (т.е. доопытная) способность, создающая все многообразие культуры. Символические формы автономны и самодостаточны. Чтобы объяснить происхождение символических форм, требуется даже процесс мифологического мышления. Кассирер подчёркивает, что мифологическое мышление делает живым свой объект [Теория метафоры, 1990].

К анализу культуры Кассирер находит деятельностный подход. В своей работе «Философия символических форм» он ставит вопрос: «Как возможна культура?». Согласно его представлениям, культура раскрывается пред нами как многообразие символических форм, связанных и упорядоченных в соответствии со своими функциональными ролями в систему модусов и уровней, каждый из которых (язык, миф, наука) не сводим к другому и равноправно существует в её мире [Лекция № 17, электронная версия].

Другая главная мысль его работы «Философия символических форм» состоит в том, что посредником между миром природы и миром духа является язык, который представляет из себя символическую форму, подобную мифу, искусству, религии и науке. Символ для Кассирера — это не просто образ, замещающий другой образ, но некая априорная форма, организующая наше познание. Общим понятием для него становится уже не «познание», а «дух», отождествляемый с «духовной культурой» и «культурой» в целом в противоположность «природе». Средство, с помощью которого происходит всякое оформление духа, Кассирер находит в знаке, символе, или «символической форме». В «символической функции», полагает Кассирер, открывается сама сущность человеческого сознания – его способность существовать через синтез противоположностей [там же].

Пристальное внимание Кассирер уделяет соотношению мифа и языка. Он видит язык и миф в неразрывной связи. Взаимообусловленность языка и мифа определяется общей почвой символического формообразования, которая представляет собой различные выражения и ступени духовного начала жизни. Кассирер выявляет двойственную направленность языка и мифа. С одной стороны, язык и миф являются выражением чувств и представлений говорящего, с другой, – они заключают в себе объективное положение вещей в мире [Исаева, 2011].

Кассирер анализирует связь языка и мифа, сравнивает миф с другими видами деятельности: 1) миф и религия / Mythos und Religion, 2) миф и искусство / Mythos und Kunst.

Миф как система изображения окружающего мира приближается в этом смысле к искусству. Однако, существенное их различие заключается в объекте познания.

В своих рассуждениях Кассирер показал насколько тесно переплетены между собой мифологическое мышление и мышление языковое, а также продемонстрировал, что структура мифологического и языкового мира в значительной степени определяется одинаковыми духовными представлениями. Основной тезис его сочинения («Философия символических форм») состоит в следующем: главное значение для теории познания имеет анализ метафорического мышления.

В другой своей статье «Сила метафоры» Эрнест Кассирер прослеживает мысль о том, что в основе любого мифотворчества лежит «базисная метафора». Он прослеживает путь развития мифа и языка не «перспективно, а ретроспективно» и предлагает вернуться к той точке, откуда берут начало эти обе линии. Он утверждает, что эту точку можно найти, потому что и мифу, и языку, как бы ни различались они по содержанию, свойственна одна и та же концептуальная форма. Эту форму Кассирер предлагает обозначить как метафорическое мышление. «Мы должны исходить из сущности и смысла метафоры, если хотим понять, с одной стороны, единство и, с другой стороны, различие мифологического и языкового мира» [Сила метафоры, 1990, с. 33].

Кассирер подчёркивает, что именно метафора создаёт духовную связь между языком и мифом, но в рассмотрении самого этого процесса теории сильно расходятся. Происхождение метафоры ищут то в создании языка, то в мифологической фантазии. Иногда имеется в виду слово, которое благодаря своей изначальной метафоричности должно порождать и питать мир, иногда, наоборот, именно метафоричность слов считается наследием, которое язык получил от мифа. Так, в своей работе «О происхождении языка» («Über den Ursprung der Sprache») немецкий писатель, теолог, критик и поэт Йоганн Готфрид Гердер (*Johann Gottfried Herder*) подчёркивал этот первоначально мифологический характер всех словесных и языковых понятий: «Поскольку вся природа звучит, для обладающего чувствами человека нет ничего более естественного, чем то, что она живёт, говорит, действует. Дикарь видит высокое дерево с его великолепной кроной и восхищается: крона шумит! Это ткёт божество! Дикарь падает ниц и молится! Посмотрите на историю человека, обладающего чувствами, на эту тёмную полосу, где *nomina* образуется из *verbis*, - и на легчайший шаг к абстракции. У дикарей Северной Америки, например, ещё всё одушевлено: каждая вещь имеет свой дух, а о том, что так же было у греков и восточных народов, свидетельствуют их древнейший словарь и грамматика – ведь они, как и вся природа, подлинны для исследователя – пантеон, царство одушевлённых, действующих существ... Будущий ураган и приятный Зефир, прозрачный источник и могучий океан – вся их мифология в сокровищнице глаголов (*verbis*) и имён (*nominibus*) древних языков, и древнейший словарь был таким звучащим пантеоном» [Herder, S. 53].

Ф. Шеллинг (Schelling F.W.J) в работе «Введение в философию мифологии» («Einleitung in die Philosophy der Mythologie») также видит в языке «поблэкшую мифологию»; язык в абстрактных и формальных противопоставлениях сохраняет то, что для мифологии различается ещё живо и конкретно [Schelling, S. 52].

Противоположный путь избрала «сравнительная мифология», созданная во второй половине XIX в., прежде всего, Адальбертом Куном (*Franz Felix Adalbert Kuhn*) и Максом Мюллером (*Friedrich Max Müller*). По отношению к мифу язык являлся первичным при образовании понятий. В соответствии с этим мифология рассматривалась как продукт языка. «Базисная метафора», лежащая в основе любого мифотворчества считалась собственно языковым явлением, подлежащим исследованию и интерпретации. «Никогда не понять мифологии, не усвоив, что то, что мы называем антропоморфизмом, персонификацией или одушевлённостью, было необходимо для роста нашего языка и сознания. Было невозможно освоить внешний мир, познать и осмыслить его, постигнуть и назвать его реалии без этой базисной метафоры, этой универсальной мифологии, этого вдувания нашего собственного духа в хаос

предметов и воссоздания его по нашему образу. Началом этого второго творения духа было слово, и мы можем дополнить истину, сказав, что всё делалось посредством этого слова, т.е. называлось и познавалось, и что без него ничего нельзя было бы сделать из того, что сделано» [Müller/Мюллер «Мысли в свете языка», 1888, с. 304].

В этой связи Эрнст Кассирер настаивает, что прежде чем попытаться занять определённую позицию в противоборстве теорий, в споре о временном и духовном первенстве языка перед мифологией или мифа перед языком, необходимо чётче определить и отграничить ключевое понятие самой метафоры. Можно представить себе метафору как сознательный перенос названия одного представления в другую сферу – на другое представление. В этом случае речь идёт о метафоре как о подлинном «переносе».

В заключении можно сделать вывод о том, что именно метафора устанавливает духовную связь между языком и мифом и представляет собой одно из конститутивных условий существования языка, зарождения символического единства языка и мифа. Символическое единство порождает мифические и лингвистические категории, способные конституировать мир и отражать первоначальные символы первобытного сознания. В этом смысле на пути объективации мира у Э. Кассирера язык и миф определяются в качестве априорного синтеза, который складывает общую теоретическую картину космоса. Все символические формы обладают автономией и в итоге «отделяются от почвы» мифа, порождая универсальные структуры собственной организации [Автореферат Исаева, с. 16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исаева А.В. Миф в философии Э. Кассирера: автореф. дис. ... канд./ философ. наук / А.В. Исаева. – Саратов, 2011.
2. Лекция № 17. Философия символических форм Э. Кассирера. – Режим доступа: <https://www.e-reading.club/Kulturologiya.html> – (URL: дата обращения 31.03.2018).
3. Сила метафоры / Теория метафоры. – М., 1990. – С. 33–43.
4. Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990, 512 с.
5. Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. 1. Teil. Die Sprache. 1923. Darmstadt;
6. Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. 2. Teil. Das mythische Denken. Darmstadt, 1925;
7. Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. 3. Teil. Phänomenologie der Erkenntnis. Darmstadt, 1929.
8. Ernst Cassirer: Sprache und Mythos. – Ein Beitrag zum Problem der Götternamen, in: Cassirer, Ernst: Wesen und Wirkung des Symbolbegriffs, 8., unveränderte Auflage, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1994, S. 112 (Hervorhebung S.N.).
9. Herder J.G. Über den Ursprung der Sprache. – Sämtliche Werke, Bd. 1 - 33. Hrsg. Von B. Suplan. Berlin, 1877 -1913, Bd. V, S. 53.
10. Müller M. Das Denken im Lichte der Sprache. Leipzig, 1888, S. 304.
11. Schelling F.W.J. Einleitung in die Philosophy der Mythologie. – Sämtliche Werke, Abt. 2: Bd. 1 – 4, Stuttgart – Augsburg, 1856-1861, Bd. I, S. 52.
12. <https://www.britannica.com/biography/Adalbert-Kuhn> (URL: дата обращения 02.04.2018).
13. <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:ErnstCassirer-SymbolischeFormen.svg> (URL: дата обращения 30.03.2018).
14. <https://www.e-reading.club/Kulturologiya.html> – (URL: дата обращения 31.03.2018).
15. <https://www.grin.com/document/136173> (URL: дата обращения 30.03.2018).
16. https://www.sgu.ru/sites/default/files/dissnews/old/synopsis/isaevaavto_0.pdf (URL: дата обращения 31.03.2018)
17. https://ru.wikipedia.org/wiki/Кассирер,_Эрнст (URL: дата обращения 30.03.2018).

Материал поступил в редакцию 04.04.18.

METAPHOR AS A SPIRITUAL CONNECTION BETWEEN LANGUAGE AND MYTH

M.N. Krasina, Postgraduate
Tver State University, Russia

***Abstract.** The article deals with the connection of metaphor with mythology, language and the origin of symbolic forms. The relationship between language and myth, mythological thinking and linguistic thinking are considered within the frame of works of Ernst Cassirer and some German philosophers and linguists. The idea is traced that the basis of any myth-making is "basic metaphor", the structure of mythological and linguistic world is largely determined by spiritual ideas.*

***Keywords:** "basic metaphor", symbolic forms, mythological thinking, Ernest Cassirer, language thinking, myth-making.*

УДК 80

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ИНГУШЕЙ ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

Р.З. Сагов, старший научный сотрудник

Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Ахриева (Магас),
Россия

Аннотация. Данная статья посвящена изучению этнокультурных связей ингушей по данным языка. Автор полагает, что имена собственные свидетельствуют о существовании культурных, торговых, политических и иных связей ингушей с другими народами.

Ключевые слова: ономастика, этнокультурные связи, ингуши, имена собственные.

Язык является основным элементом национальной культуры и носителем информации. «Он хранит память не только о духовных ценностях, но и о контактах с другими народами: древней Передней Азии, России, Грузии, Армении, народами Северного Кавказа» [6, с. 28].

Ономастика – раздел языкознания, изучающий особенности происхождения и этимологии имён. Ученые, занимающиеся ономастикой, отмечают, что собственные имена – эта часть истории народов. «В них отражаются быт, верования, чаяния, фантазии и художественное творчество народов, их исторические контакты с другими народами» [2, с. 9].

О давних контактах ингушей с различными народами, кроме того, свидетельствует наличие большого числа наименований разных народов на ингушском языке: эрсйе // аьрсйе // эрсий (русский // русские от эрсий // *аьрсий*); гIазкхийе // гIазкхий (казак // казаки); немцйе // немций (немец // немцы); герман (германец); фьариньг // фьарингий (француз // французы, европеец // европейцы); джелтйе // джелтий (грек // греки); абазо (Iабаз // Iабзий; абазин, адыг, абхаз // адыги); черсйе (изначально чиргIаз) // черсий (черкес // черкесы); гIабьбартийе // гIабьбартий (кабардинец // кабардинцы); гIазар // гIажар // гIажарий (хазар // хазары); гIазлуо // гIазлоу (азербайджан // азербайджанцы); гурджйе // гуржйе // гуржий, (грузин // грузины); гIазагIумкйе // гIазагIумакий (лакец // лакцы); гIумкйе // гIумакий (кумык // кумыки); гIалгIа // гIалгIай (калканы, ингуш // ингуши, махалоны // малхий); кистйе // кистий (кистинец // кистинцы, соб. фаппинцы); бацуо // боацоу (бацбийец // бацбийцы); нохчуо // нохчий (чеченец // чеченцы); селйе // селий (дагестанец // дагестанцы); Iандйе // Iандий (андиец // андийцы); джIайхуо // джIайхой (аварец // аварцы); даьргйе // дарганой (даргинец // даргинцы); купчйе // купчий (кубачинец // кубачинцы); гIалмакх // гIалмакхий (калмык // калмыки); Балкхаро // балкхарой (балкарец // балкарцы); кьаршйе // кьаршуо // кьарший (карачаевец // карачаевцы); хIирйе // хIиррий (осетин // осетины); дугаруо // дугаруой (дигорец // дигорцы), Iарпйе // Iарбйе // Iарбий (араб // арабы); джугатйе // джугатий (еврей // евреи); туркйе // туркий (турок // турки); куртйе // куртий (курд // курды); хIиндйе // хIиндий (индиец // индийцы); татрйе // татрий (татарин // татары); японц // японцаш (японец // японцы) и др.

О существовании культурных, торговых, политических и иных связей ингушей с другими народами, свидетельствуют и личные имена. «Разнообразный состав личных (а иногда и фамильных) ингушских имён по языку-источнику обусловлен культурно-историческими контактами, взаимопроникновением ономастических систем многоязычного Кавказа» [5, с. 192]. В связи с этим, антропонимика ингушей может представлять историко-этнографический интерес, поскольку даёт сведения о способах образования личных имён.

В ингушской ономастике встречается старинное имя «Кист», как эпоним фамилий Яндиевых и Мамиловых. Имя «Кист» стоит в одном ряду с другими именами, которые представлены в ингушской антропонимике, составляющую группу имён с однотипными окончаниями

на «аст // ист»: Албаст, Алхаст, Джовхаст, Вист, Пист, Кист, Кушт, Мист // Маьст, Маьргаст // Мургаст, Эст и т.д. Известны производные от этих имён современные ингушские фамилии, такие как: Алхастов, Куштов, Мургустов, Местоев, Эстоев и др. Поэтому, мы не можем согласиться с утверждениями некоторых авторов утверждающих, что этноним «кисты» грузинского происхождения, на том основании, что «...название кистов не известно на месте» [1, с. 106].

Примечательно отметить и то, что названные фамилии относятся к собственно кистинскому обществу ингушей, как и то, что «кистинами // кистами // киштами» в XVIII – начале XIX века называли вообще ингушей, т.е. данный этноним являлся общенациональным наименованием ингушей.

Вместе с тем, есть, конечно, и имена, проникшие в ингушскую среду. Наибольшее число иноязычных личных имён составляют те, которые проникли в ингушский язык из арабского, русского и тюркских языков. [5, с. 192]. Вместе с тем, есть примеры проникновения ингушских имён в другие языки, вероятно, в незапамятные времена. Например, об этнокультурных связях ингушей и русских могут пролить свет старинные ингушские имена, как имя «Ольг», эпоним ингушской фамилии «Ольгнаькъан // Олигов».

Имя «Олег», встречается у восточных славян. Принято считать, что это имя наряду с некоторыми другими скандинавского происхождения «привнесённых в период язычества викингами-завоевателями, как, например, Рюрик (Hrorekr), Олег (Helgi «святой»), Игорь (Ingvar «молодой»), Глеб (Gudleifr, эквивалент нем. Gottlieb), Роговолод (Rag(n)valdr)» [9, с. 11].

Может быть, эти имена действительно заимствованы у скандинавов. Но относительно имени Олег, у нас возникают сомнения.

В связи с этим, обращает внимание одна особенность. Г.В. Вернадский писал, что это имя первоначально произносилось, как **Ольг** [4, с. 62]. В древнерусском песенном эпическом произведении – в былине «Вольга», упоминается имя Волх-Вольга. Исследователи считают, что это имя «восходит к **Ольг**, Олег, Ольга – именам первых русских князей» [8, с. 16]. «В «Именослове» М. Морошкина приведены как равнозначные варианты: **Ольг**, Олег, Олех (Морошкин 1867, 142 (2-я паг.), Ольга, Ольха (Там же, 143 (2-я паг.))» [Там же]. Очевидно, это имя изначально звучало, так же как и в ингушском «**Ольг**». Термин «ольг» у ингушей имеет и другие значения.

В ингушской ономастике существует наряду с антропонимом Ольг целый ряд имён с однотипными окончаниями: «ольг» // альг» // «арьг». Например: Бийдольг, Гюльг, Муцольг, Багальг, Вадальг, Дальг, Нальг, Хьоашалг, ПхьаргIалг, СиргIалг, Сурульг, Эрсельг, Аьбарг, Ювларьг, Iахарг, СийнабIарг, Фаьрг и т.д. Фамилии, образованные от этих имен: Арсельгов (Аьрсельгнаькъан), Ахильгов (Iахаргнаькъан), Олигов (Ольгнаькъан), Вадельгов (Вадальгнаькъан), Муцольгов (Муцольгнаькъан), Нальгиев (Нальгнаькъан), Фаргиев (Фаьргнаькъан) и др. Кстати, имя «Эрсельг» означает «русский» от ингушского эрсий // *oarsий* «русский», только «эрсельг» имеет уменьшительное значение.

Наблюдаются в ингушском языке и имена уподобления, например: Руслан (ранее заимствование из тюркских языков; ср. в этих языках арслан «лев», а также Еруслан – герой русских народных сказок) [5, с. 209]. Это имя довольно часто встречается среди народов Северного Кавказа, особенно у ингушей. Принято считать, что это имя впервые появилось в поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», которое автор заимствовал у фольклорного героя Еруслана Лазаревича – «освободителя Русской земли» [7, с. 19].

Как известно, слог «рос // рус», лежащий в основе имени Руслан, с давних времён традиционно связывался с этнонимом русские» [7, с. 18]. «Образ Пушкинского героя Руслана от образа фольклорного героя «Еруслана Лазаревича» («Имя Еруслан (в транскрипции XVIII в. – Яруслан)»), известного в старинной русской сказке, популярного в начале XIX века, действительно может представлять интерес для объяснения происхождения этнонима «русский» [7, с. 16]. Поэтому, данное имя, вернее его эволюционный путь, может представлять интерес, и в связи с вопросом происхождения этнонима «росы // русы».

Относительно происхождения этнонима «русский», существуют различные версии. Например, «Русин» истолковывается как «рус-сын». Такое толкование не является научным и не соответствует истине. Нет сведений, чтобы подобным образом и из подобных корней образовывались бы гибридные этнонимы. Расшифровать этноним можно, только проследив его эволюцию» [3, с. 19]. Конечно эта проблема – тема для отдельного рассмотрения. Но хотелось бы отметить, что его происхождение может быть связано, как и предполагают некоторые исследователи, с названием раннесредневекового сармато-аланского племени «аорсов» («аланы-аорсы» // «орс-аланы // «рос-аланы» // роксоланы).

В нашем случае, это представляет интерес и в связи с некоторыми особенностями ингушского языка, что возможно, имеет связь с образованием этнонима «русский», эволюционным путём, что скорее имеет отношение к этнокультурному миру древнего Кавказа, чем со Скандинавией.

Как уже было отмечено среди народов Северного Кавказа, в том числе и ингушей, часто встречается имя Руслан. Данное имя разбивается на две части – корень «рус» и окончание «лан». Здесь следует отметить, что в ингушской ономастике встречаются имена с аналогичным окончанием, т.е. на «лан», например: Аслан // Арслан, Беслан, Билан, Далан // Доалан, Курлан, Улан и т.д., в ряд с которыми становится и имя Руслан, и здесь наблюдается обычная традиционная для ингушской ономастики закономерность. Кроме всего прочего, в конце XVIII – начале XIX вв. в документальных источниках значится имя Расланбек (Росланбик) у горцев Северного Кавказа, т.е. до появления в свет поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Очевидно, имя «Арслан, Еруслан (Яруслан)» – изначальная форма имени, которое трансформировалось в «Руслан». Если это так, то вполне могло быть, что этноним «аорсы» // «орос» в итоге преобразовался в «рос // рус». Предположим, что носители этого этнонима, часть которого с Предкавказских степей переселилась на север, за Дон, перенесли своё название и распространили на некоторые группы славянского населения Восточной Европы. Вернее, слог «орс // рус», в качестве корня лёг в основу словообразования и с добавлением окончания суффикса принадлежности «ский», привёл к образованию современного этнонима «русский». В свою очередь этноним «русский» на ингушском языке звучит «эрсий // аьрсий».

Это не единственный случай подобного примера трансформации этнонима. Аналогичный процесс мы наблюдаем в горном Таджикистане, где одна из этнических групп, ранее известная под названием «орошорцы», впоследствии стала называться «рошорцы». Возможно, что эволюция произошла со сменой языка, т.е. предположим, что они изначально не были носителями иранской речи, но потом при переходе населения – носителей данного этнонима на индоевропейский язык, название претерпело изменение.

Можно привести и другой пример, только связанный с топонимом. «Многие топонимы утратили первоначальную фонетику. Известно из летописей, что Ржев называли раньше Оржева. Руза должна была называться Орусса» [3, с.48]. То же самое можно наблюдать даже в родственных языках, когда один и тот же термин меняет своё звучание. К примеру, ингушский «аргI» и чеченский «рагI» (холмистый хребет). В ингушском языке практически нет слов, чтобы вначале был звук «р», за исключением двух – «раьза» и «рема». Лингвисты отмечают эту особенность как закономерность.

Возможно, наши предположения, имеют под собой основания. По крайней мере, они тоже имеют право на существования, которые могут представлять интерес для исследователей этнокультурных и этногенетических процессов. Безусловно, это серьёзная самостоятельная область знаний, требующая к себе внимания специалистов, лингвистов. Мы всего лишь хотели обратить внимание на некоторые культурно-языковые и исторические традиции, нашедшие отражения в лексемах ингушского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алироев, И.Ю. Язык, история и культура вайнахов / И.Ю. Алироев. – Грозный, 1990.
2. Багаев, М.Х. Тайна имен / М.Х. Багаев. – Грозный, 1994.
3. Богданов, В.В. Этническая и эволюционная предыстория Руси. Орсы, осы, кимеры, хоры / В.В. Богданов. – Русь. Москва, 2000.
4. Вернадский, Г.В. Начертание русской истории / Г.В. Вернадский. – Москва, 2002.
5. Куркиев, А.С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка / А.С. Куркиев. – Грозный, 1979.
6. Оздоева, Ф.Г. Язык как основа духовной жизни народа / Материалы республиканской научно-практической конференции / Ф.Г. Оздоева. – Назрань, 1997.
7. Пушкарев, Л.Н. Неоконченные споры вокруг образа Руслана / Л.Н. Пушкарев // Этнографическое обозрение. – Москва, 1999. – № 3,
8. Смолицкий, В.Г. Вольга и Микула: две эпохи – два мировоззрения / В.Г. Смолицкий // Традиционная культура (Научный альманах). – 2007. – № 1 (17).
9. Унбегаун, Б.О. Русские фамилии. Перевод с английского. Общая редакция Б.А. Успенского. – Москва, 1989.

Материал поступил в редакцию 12.04.18.

THE ETHNIC AND CULTURAL TIES OF INGUSH ACCORDING TO THE LANGUAGE DATA

R.Z. Sagov, Senior Researcher

Ingush Scientific Research Institute of the Humanities named after Chakh Ahriev (Magas), Russia

Abstract. *This article is devoted to the study of ethnic and cultural ties of Ingush according to the language data. The author believes that proper names indicate the existence of cultural, commercial, political and other ties of Ingush with other nations.*

Keywords: *name-study, ethnic and cultural ties, Ingush, proper names.*

UDC 81'3

THE STRUCTURAL-SYNTACTIC AMBIGUITY AND SUPRA-SEGMENTAL MEANS

I.A. Taghiyev, PhD Candidate, Lecturer
Khazar University (Baku), Azerbaijan

***Abstract.** The present paper deals with the structural-syntactic ambiguity in the light of supra-segmental phonetics. An attempt is made to demonstrate the gap between oral human speech and its written version. The type of linguistic jokes which is based on the structural-syntactic ambiguity, i.e. the ambiguity induced by the syntactic structure of the sentence is chosen as an object of this study. The main purpose of the paper is to draw attention to the difference between the normal pronunciation of utterances in oral speech and the written text of such so-called structural-syntactic jokes and find out the main factors causing ambiguity in the latter. After analyzing some examples of such jokes, we will come to conclusion that they cannot be ambiguous in language unintentionally, and only intentional misinterpretation of their written text can induce humorous effect and laughter. Otherwise, we might admit the failure of human language in carrying out its main functions, viz communicative and expressive functions. This gap between oral speech and written text occurs due to the lack of the supra-segmental devices, viz contrastive stress, pause and tone level in written texts.*

***Keywords:** structural-syntactic ambiguity, linguistic humor, contrastive stress, pause, intentional humor.*

Introduction

In linguistic literature, by linguistic jokes we understand the jokes, humorous effect of which is induced by linguistic ambiguity, i.e. ‘the text is compatible, fully or in part, with two different scripts’. (Raskin, 1985, 99) Linguistic ambiguity itself falls into two main types; one being lexical-semantic ambiguity, the other being structural-syntactic ambiguity. In lexical-semantic ambiguity a word or phrase in the utterance has more than one meaning and thus, in jokes based on lexical-semantic ambiguity, it is mainly homonymy and polysemy that cause misunderstanding and consequently, humorous effect and laughter. However, in structural-syntactic ambiguity, the situation is different; here not a single word or phrase in the utterance has more than one semantic meaning, but still the whole utterance is misunderstood due to the ambiguity in the structure of the sentence. The ambiguity in such jokes is not conditioned semantically. The present paper is dealing with such kind of ambiguity and the jokes, humorous effect of which is induced by the syntactic structure of the sentence.

Literature Review

According to *The Oxford Dictionary of Pragmatics*, the syntactic ambiguity is “Ambiguity through the assignment of two or more different syntactic structures to a single string of words in a sentence.” (2012, p. 298). David Crystal writes that grammatical (or structural) ambiguity is the most widely discussed type of ambiguity. (2008, p. 22). Justification of this interest in structural-syntactic ambiguity can be explained by the fact that namely this type of ambiguity induces the question whether human language is perfect and can carry out its communicative and expressive functions successfully or not. Linguists approached the problem of ambiguity from different perspectives. In this respect, Chomsky (1957, p. 216) wrote: “The precision of grammar depends on how it explains ambiguity.” Grice (1975) and Leech (1981) also mentioned or explained ambiguity from different perspectives. The former expounded it from the perspective of conversational implicature,

the latter defined it from the perspective of semantics. All linguists who have dealt with structural-syntactic ambiguity hitherto agree upon the fact that phrase or sentence structure can be ambiguous and misunderstood due to the attachment problems between words in the sentence. Though some linguists have mentioned word stress, none of them has taken into consideration very important supra-segmental devices such as contrastive stress, pause and tone level which are very effective disambiguators of human speech. As Peshkovsky stated, “The clearer any syntactic meaning is expressed by means of grammar, the weaker may be its intonation (up to complete disappearance), and vice versa, the stronger is intonation, the weaker may be grammatical expression (again up to complete disappearance)” (Veysalli, 2014, p. 15-translation by the author).

Discussion

The best way of demonstrating linguistic ambiguity is analyzing the jokes punchline of which is based on misunderstanding. Examples of linguistic jokes with structural-syntactic ambiguity that are analyzed here, are taken from different books and scientific articles where the authors considered them as such. Let’s consider the following joke:

- Let’s eat up the road
- No, thanks, I don’t like concrete. (1)

This joke is considered a structural-syntactic one, humorous effect of which being induced by the syntactic structure of the sentence. The authors claim that *Let’s eat up the road* is ambiguous and can be interpreted in two different ways. The first interpretation is ‘Let’s eat over there along the road’, and the second is ‘Let’s finish eating the road itself’. Suppose that the A, B, C, D, and E are not equal numbers and thus, each of them has a different value. Then the total sum of A, B, C, D, and E equals the sum of the values of the constituent elements:

$$A + B + C + D + E = M \quad (2)$$

No matter, how many times we add them, we will have the same result because the constituent elements are the same. What if one of the constituent elements has been squared? The answer is that then the total sum will be different; say, not M, but M_1

$$A + B + C^2 + D + E = M_1 \quad (3)$$

And if we square another constituent element, the sum will again be different from the previous one and so on.

$$A + B + C + D + E^2 = M_2 \quad (4)$$

Thus, M as a total sum of (2) can have two different versions – in our case such as M_1 and M_2 if two different constituent elements (C in (3) and E in (4) respectively) have been squared.

Now let’s replace the algebraic symbols in (3) and (4) with meaningful linguistic units (here words) from (1) and instead of squaring, put a contrastive stress (for the purposes of this paper, we do not take into account word stress here but focus merely on contrastive stress) on one of the constituent elements, say, the third element in (3) and the fifth element in (4) respectively (the stressed word is written in *italics*):

$$\text{Let’s eat /up the road.} = M_1 \text{ (meaning 1)} \quad (5)$$

$$\text{Let’s eat up the /road.} = M_2 \text{ (meaning 2)} \quad (6)$$

As we see, (5) and (6) differ in their meanings but this difference occurs due to the place of contrastive stress. If contrastive stress is on *up*, then *up the road* is one syntagma and *up* is a preposition. In this case, the meaning of the sentence is ‘Let’s eat over there along the road’. Likewise, if contrastive stress is on *street*, then *eat up* is a phrasal verb and consequently, the meaning of the sentence will be ‘Let’s finish eating the road itself.’

In natural languages, depending on the intention of the speaker, sentences are pronounced namely this way, i.e. some words have contrastive stress on them in order not to induce ambiguity; otherwise, there would occur misunderstanding at every step. Actually, it is not the case in a spoken language. As to the above-mentioned linguistic joke in (1), the ambiguity occurs here due to logocentrism, i.e. it is based on the intentional misinterpretation of the written text, which lacks the devices of supra-segmental phonetics, namely contrastive stress and pause, but not due to oral speech of the speaker. If *Let’s eat up the road* is pronounced correctly, i.e. with a contrastive stress on the word *up*, there will be no ambiguity. Thus, there arises another question: what is structural-syntactic ambiguity? Does it exist in a human language per se, or does it exist only in the written texts thanks to the intentional misinterpretation of the latter?

Let’s consider another example:

Haughty lady: Must I stick the stamp on myself?

Haughty clerk: I think you’ll accomplish more, madam, if you stick it on the package. (Lew, 1996, p. 34) (7)

This joke is also considered structural-syntactic one as *Must I stick the stamp on myself* is considered to be ambiguous and have two different scripts. The first interpretation is ‘Must I stick it myself?’ and the second is ‘Must I stick it on my body?’

Again, let’s return to the above algebraic symbols. Let’s assume that A, B, C, D, E, F, and G are different numbers. If we add them to each other, we will have one definite result:

$$A + B + C + D + E + F + G = M \quad (8)$$

This result (M) will not change unless we make changes in the structure of this equation by adding some other symbols. What if we bracket some elements and square them before adding them one by one to each other? Then the result will definitely be different:

$$A + B + C + D + E + F + (G)^2 = M_1 \quad (9)$$

However, if we bracket and square other elements, the result, surely will be different again:

$$A + B + C + D + E + (F + G)^2 = M_2 \quad (10)$$

Now let’s replace the elements of (9) and (10) with the words of (7) and instead of bracketing the last element in (9) or the last two elements in (10), make a longer pause before the last element in (11) and before the last two elements in (12) respectively:

$$\text{Must I stick the stamp on } \parallel \text{ myself?} \quad (11)$$

$$\text{Must I stick the stamp } \parallel \text{ on myself?} \quad (12)$$

The difference in the meaning of (11) and (12) is evident. This difference is due to another device of supra-segmental phonetics, viz place and length of the pause.

Actually in (7), *on* is a part of the phrase *stick the stamp on* and *myself* is post modifier of this phrase. Only intentional mispronunciation can lead to the misinterpretation of *on myself* as a

preposition phrase headed by the preposition *on*. Again, in normal speech, the syllable *on* is pronounced with a prolongation and the pitch is lowered immediately after that syllable and consequently there is a pause after it which detaches the word *myself* from the syntagma. Thus, it cannot be ambiguous at all in oral speech unintentionally.

Having considered both the examples, we see the important role of supra-segmental devices such as contrastive stress and pause as effective disambiguators in human language and recall Zinder's thought about the link between phonetics and syntax: "Phonetics is closely linked not only with morphology, but also with syntax as every sentence has an intonation design. Articulation of a sentence is put into effect by means of pause, phrase stress and melodic." (Зиндер, 2007, p.22 – translation by the author). Thus, due to contrastive stress and pause, ambiguous sentences in the above-analyzed jokes lose their ambiguity in oral speech and can have only one meaning. Because each sentence can have only one contrastive stress and because the attachment of words to each other in the utterance – irrespective of whether these words immediately follow each other or not – is designed by means of pause.

Conclusion and Further Study

After having analyzed the structural-syntactic ambiguity with the help of supra-segmental devices of phonetics, an attempt was made to demonstrate the gap between oral human speech and its written version, which disables the latter to transmit human speech exactly. The object of the study viz. so-called structural-syntactic jokes, which are considered to be based on the structural-syntactic ambiguity in the language, turned out not to be ambiguous in the normal oral speech. The analysis demonstrated that such ambiguity can occur only in one layer of the language – in written text due to the lack of disambiguators such as contrastive stress, pause and tone level.

Another conclusion is that the spoken language is not only the first in terms of its history and evolution, but also the best in terms of carrying out its communicative and expressive functions. As to so-called structural-syntactic jokes, they exist in written texts due to intentional misinterpretation. Otherwise, we might admit the failure of human language in carrying out its main functions, viz communicative and expressive functions. Not claiming for the last word and despite of its limitations, this paper can pave the way for further and deeper study in this direction.

REFERENCES

1. Вейсялли Ф.Я., (2014). Избранные труды. Баку. Мутарджим.
2. Зиндер Л. Р., (2007). Общая Фонетика и Избранные Статьи. Москва – С. - Петербург. Академия.
3. Attardo S., H. Attardo, D. Baltes P., & Petray, M.J. (1994). The Linear Organization of Jokes: Analysis of Two Thousand Texts. *Humor: International Journal of Humor Research* 7(1), 27-54.
4. Brown E. & Miller J., (2013). The Cambridge Dictionary of Linguistics.
5. Chomsky N., (1957). Syntactic Structures. The Hague: Mouton.
6. Crystal D., (2008). A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 6th Edition. Oxford: Blackwell Publishing.
7. Grice P., (1975). Logic and Conversation. *Syntax and Semantics* 3, 41-58. New York: Academic Press.
8. Huang Y., (2012). The Oxford Dictionary of Pragmatics
9. Lew R., (1996). An Ambiguity-based Theory of the Linguistic Verbal Jokes in English. *Doctor's Thesis, Adam Mickiewicz University.*
10. Lyons J., (1977). Semantics. Cambridge. Cambridge University Press.
11. Ross, A. (2005). The Language of Humor. London & New York. Routledge.
12. Sanchez Roura, (1995). Syntactic Ambiguity as a Device in British Humour. *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*, 8, 209-228.

Материал поступил в редакцию 03.05.18.

СТРУКТУРНО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ И СУПРА-СЕГМЕНТАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА

И.А. Тагиев, соискатель PhD, преподаватель
Университет Хазар (Баку), Азербайджан

***Аннотация.** В настоящей статье исследуется структурно-синтаксическая двусмысленность в свете супра-сегментальных средств. Сделана попытка продемонстрировать расхождение между устной речью и её письменным вариантом. Объектом исследования избран лингвистический юмор на основе структурно-синтаксической двусмысленности, т.е. двусмысленность, которая побуждена синтаксической структурой предложения. Главная цель статьи обратить внимание на расхождение между нормальным произношением выражения на устной речи и в письменном тексте, так называемого структурно-синтаксического юмора, и раскрыть основные факторы, вызывающие двусмысленность в последнем. После анализа примеров такого юмора, мы придём к выводу о том, что они не могут быть двусмысленными на языке непреднамеренно и только преднамеренно неверное истолкование их письменного текста может вызывать юмористический эффект и смех. Иначе, мы были бы вынуждены допускать несостоятельность языка в осуществлении своих основных функций: коммуникативной и экспрессивной. Это расхождение между устной речью и письменным текстом происходит из-за отсутствия супра-сегментальных средств как контрастное ударение, пауза и тональность в письменном тексте.*

***Ключевые слова:** структурно-синтаксическая двусмысленность, лингвистический юмор, контрастивное ударение, пауза, преднамеренный юмор.*

UDC 811.161.1

THE ISSUES OF STUDYING RUSSIAN LANGUAGE IN BULGARIA AND ROMANIA

G.A. Mikhailova, Candidate of Pedagogic Sciences,
Associate Professor, Professor of the Department
Far-Eastern Fire Safety Service Academy –
the Branch of Saint-Petersburg University of State Fire Service
of Emercom of Russia (Vladivostok), Russia

***Abstract.** The questions connected with studying Russian language in two European countries, such as Bulgaria and Romania, are presented in the article. Russian language as the great national achievement of Russia promotes familiarizing of people of different nationalities to the Russian culture, literature, tradition. However, the political and economic components of interaction between Russia and different countries influence on the policy of studying Russian language, which functions as the language of international communication.*

***Keywords:** Russian language, European countries, Russian philology*

New approaches to the studying foreign or native languages put new issues in front of pedagogy and linguistics. The questions about enculturation of a person of the 21st century, about good knowledge of a native language and foreign languages are very important and actual nowadays. All these require formation of communicative and cultural competencies, which are the basis of the teaching languages.

Any language, its studying and using, development of intellection, learning of behavior rules and culture of interpersonal relations are the powerful means of getting knowledge about cultural life of foreign societies. Enculturation influences upon the development of a personality, forming his/her creative abilities.

According to the pointed above the elicitation of the attitude of people living in the European countries to the Russian language, which dominated for many years and then lost its position, is very important. As we remember it was the first foreign language in friendly to the Soviet Union countries, but now it has lost its position and has been changed by English and German languages. Nevertheless, decline of the interest to Russia did not come to the annihilation of the professional interest to studying of Slavonic languages (in general) and Russian language (in peculiarity).

The main function of the Russian language is unchangeable, it is the translator of scientific and special knowledge, and gives the possibility to study Russian culture, traditions; everything connected with Russian past and present. Therefore, it is very useful to show the pictures and attitude to the learning of Russian language in such countries as Bulgaria and Romania, i.e. to the countries where the attention to Russia, its language and culture has been very high.

There has always been an interest to studying Russian language and Russian culture in Bulgaria, but motivation has been changing, and it depends on the political and economic relationships with Russia. At the beginning of the 20th century, «school of Rusistics» preoccupied the eminent place and became one of the strongest on the European continent. Lubomir Miletich and Benyo Tsonev

were the first creators of the official project of Bulgarian spelling. It happened in 1892, but failed, and did not get the followers, and was criticized by the public society.

Nevertheless, this project played an important role in the process of the elaboration of the unique Bulgarian spelling. In 1901, the book of L. Miletich «Членът в българския и руския език» was published, and in a year, there was the article of B. Tsonev «Руско-български паралели». As we see, these works have close connection with interinfluence of two languages.

During many years, the attitude of Bulgarians to learning Russian language was ambiguous. There were «ups» and «downs». However, people were attracted by the beauty and complexity of the Russian language, the possibility of sublimate to the huge layer of the world culture.

Therefore, according to the decision of International association of Russian language and culture teachers, which is going in for popularization, keeping, development and studying of this language, in 1973 the conference «Theory and practice creating textbooks and instructional books in Russian as a foreign language» took place in Varna. More than 1500 people from 51 countries were present there. In 2007, there was an international meeting «The world of the Russian language and the Russian language in the world».

The situation in Russia at the end of the 20th century came to the decreasing of number of schools and higher educational establishments in Bulgaria, where the subject «Russian language» was taught, the list of books, printed in Russian, was minimized. At the same time, the attention of people was given to the studying of English language. This is proved by the results of the investigation «Europeans and their languages», which was conducted in Bulgaria in 2006-2012. The results published by Getmanenko and Radkova show that Russian language was studied by 35 % of people, English – by 33 %, German – 15 % and French – 5 % [Гетьманенко, Радкова: 88]. However, today's situation is different. Russian and English languages changed their places while choosing the language for learning in a Bulgarian school.

Nevertheless, Russian did not lose its positions and importance, and the associate professor of the Sofia University Ts. Raleva proved it publishing a profound and interesting article «Teaching and researching Russian language in the Sofia University: traditions and modern condition». This article was presented as a report at the jubilee international conference «Rusistica (Russian philology): language, culture, translation», which took place in Sofia, November 23-25, 2011.

A lot of Bulgarian specialists made an invaluable contribution in studying Russian language: K. Babov, E. Gocheva, N. Dilevskiy, M. Leonidova, R. Pavlova have been studying the questions in the sphere of comparison Russian and Bulgarian languages, R. Stankov is engaged in the history of development of the Russian language, the research in lexicography is connected with the names of A. Lipovskaya, I. Chervenкова, etc. To addition, professional units of specialists in Russian language work in Bulgaria. So one can resume that the interest of Bulgarians to the studying of the language of Russian literature, writers and poets has been being very high.

As for Romania, it should be said that more than one hundred thousand people can speak Russian. The main group counted about 36000 people is families of Russian lipovan (descendants of Russian Old Believers, the history of whom ascends to the 17th century, when the schism occurred in Russia). Students from Moldavia and Ukraine (about ten thousand people) who came to study and live as the stipendiums of Romania are in the number of Russian speakers [Изотов: 67]. Not numerous group of Russian speaking Romanians is represented by graduates from the Soviet Union universities of the second part of the twentieth century and the members of about 400 Romania-Russian families. In addition, from 1949 to 1958, there was the Pedagogical school in Bucharest with teaching in Russian, but in 1960th the teaching was stopped.

In the period from the 1970th, it is observed the revival to the learning of the Russian language, and up to 1989 this language in the Socialist republic of Romania was one of the basic foreign languages for studying in schools and universities.

After overthrowing of Nicholae Chaushey's regime and beginning of the democratic reforms, the situation changed and it was deprived of the state support and gradually started eliminated from the school program.

According to the statistics only 19500 pupils study Russian nowadays; as for 1980, the number of people interested in learning it was 450000 [Русский язык в Румынии]. As a foreign language Russian is studied in three schools and in five lyceums of Bucharest, and in some primary and secondary schools of a number of counties. In general about 340 teachers of Russian language work at schools and lyceums, the time of studying it is 3-4 hours a week. All the other subjects are taught in Rumanian language.

A few facts should be said about the Bucharest University, where qualified specialists of Russian philology are prepared. The general number of students is more than 170. Fourteen qualified professors with pedagogical degree work at the department of Russian language. Annually, groups of students eager to learn Russian enter the private Bucharest University, specialized military and police educational establishments, etc.

The Rumanian association of Russian language and literature teachers plays the main role in preserving and developing of the system of teaching Russian language and literature. There are 35 active participants of this organization. They conduct National Olympiads in Russian and literature, and participate in the International Olympiads.

The attention to the studying Russian language is paid by the society of lipovan, they also conduct Russian Olympiads, and the winners are awarded by the permitting to the Russian camps for children. Schoolchildren are helped with literature, students and teachers-professors are encouraged to study and teach, the meetings with native Russians are organized. Nowadays the possibility to watch Russian television has appeared. At the head of the Russian society, there has been Miron Demyanovitch Ignat. He represents this society in the Rumania Parliament, and he is the member of the parliament group of friendship between Rumania and Russian Federation.

Miron Ignat was born in the Russian village Gindereshti (Dunai), graduated from the Economical academy in Bucharest, and was one of the leaders in a bank sphere. In 2006 in Saint-Petersburg at the second congress of Russian compatriots M. Ignat was chosen a member of the coordination council of Russian compatriots, participated in in the opening the fund «Russian world» in Moscow. «The society collected us together. We began to pass songs, traditions of Russian people, retellings to each us, to our children, – he said. – In Radeutsi (a town) a new museum of old believers was opened. There were collected ancient books, samples of old clothes, home utensils, chests, shops. Lipovans achieved the returning to their villages their Russian names, which were called in Rumanian. We actively help our church, new temples are built in some villages and in some – they are rebuilt, repaired the monument to the heroes of Ryazan regiment, lost under forcing Dunai near Machin at the very beginning of Russian-Turkey war in 1877-1878. We want to establish two more monuments to commemorate the first migrants: the first – on the south of Rumania, and the second – on the north» [Вагина: 13].

Large creative relationships connect the society of Russian lipovan and the State Institute of Russian language of a name of A.S. Pushkin, the representatives of which conduct refresher courses for teachers of Russian language. At the lessons the professors deliver lectures, run seminars and master-classes, the questions about actual issues of teaching (such as teaching to the reading literature at the lessons, using modern information technologies during the teaching Russian language and literature, etc.) are being discussed.

Studying and analysis of the materials published in the means of communication shows that there has been doing a lot for popularization of the Russian language, for increasing motivation. For example on 28 May 2014, Russian cultural center formed in the Bucharest economic academy organized and conducted an international meeting «Russian language and culture as a part of multiculturalism of the young people». This event was organized within the action «The year of culture of the Russian world», when various activities took place in different cities and towns of Rumania: competitions, devoted to Russia, to the professional importance of studying Russian language and culture of communication, photo-exhibitions, such as «Russian-Rumanian historical harmonies: a century from the day of visiting Russian emperor Nikolay II and his family to Rumania», an exhibition devoted to the modern Russia, to the Olympiad in Sochi were opened.

From 18 to 21 April 2016, the 22nd National Olympiad on the native Russian language took place in Breilla. It was conducted by the Ministry of the national education of Romania, Breilla school inspection and the society of Russian lipovan of Romania [Молдован].

At the end of 2016, the second edition of the Romania-Russian translator was published. «This linguistic book does not have analogies on the territory of Romania. There are special resultative and innovative methods of studying Russian language», – the author of the edition Gabriel Antony Lavrinchik points [Лавринчик]. He considers Russian language the most powerful and beautiful language in the world.

As we see from the examples, the interest and attention to the studying Russian language, its culture and traditions in different countries (as in our article in Bulgaria and Romania) is of no question. The work, which is conducted by the interested people, by the people who love Russia help everybody to understand the beauty and power of this language.

REFERENCES

1. Вагина, Е. Липоване из Румынии [Электронный ресурс] / Е. Вагина // Земляки. – 2010. – № 11. – С. 12–15. – Режим доступа: http://zemliaki.info/publ/2010_god/11_2010_god/lipovane_iz_rumynii/16-1-0-131 (дата обращения: 10.02.2017)
2. Вербицкая, Л.А. Русский язык в России и за ее пределами. Материалы Международной региональной конференции «Русский язык в странах Юго-Восточной Азии» под ред. Кутыровой Н.А. / Л.А. Вербицкая – СПб: Ханой, 2016 – С. 1–15.
3. Гетьманенко, Н.И. Мотивация как точка опоры при изучении РКИ / Н.И. Гетьманенко, А. Радкова // Русский язык за рубежом. – 2013. – № 6. – С. 85–88.
4. Енджейкевич, А. Улица Манделъштама / А. Енджейкевич // Русский язык за рубежом. – Специальный выпуск. – 2016. – С. 39–40.
5. Изотов 2014 – Изотов К. Язык румынских липован в зеркале современного русского языка / К. Изотов // Русский язык за рубежом. – 2014. – № 1. – С. 65–67.
6. Лавринчик, Г.А. Русский язык пользуется популярностью в Румынии [Электронный ресурс] / Г.А. Лавринчик. – Режим доступа: <http://www.gumilev-center.ru/russkijj-yazyk-polzuetsya-populyarnostyu-v-rumynii/> (дата обращения: 02.03.2017)
7. Молдован, С. XXII Национальная олимпиада по родному русскому языку с успехом прошла в Румынии [Электронный ресурс] / С. Молдован // Русская вера. – 22 апреля 2016. – Режим доступа: http://ruvera.ru/news/nacionalnaya_olimpiada_rumynii (дата обращения: 02.03.2017)
8. Пьянов, А.Е. Статус русского языка в странах СНГ / А.Е. Пьянов // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 3. – С. 55–56.
9. Русский язык в Румынии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Русский_язык_в_Румынии (дата обращения: 12.03.2017).

Материал поступил в редакцию 10.05.18.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В БОЛГАРИИ И РУМЫНИИ

Г.А. Михайлова, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры
Дальневосточная пожарно-спасательная академия –
филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (Владивосток), Россия

***Аннотация.** Вопросы, связанные с изучением русского языка в таких европейских странах, как Болгария и Румыния, представлены в данной статье. Русский язык как национальное достояние России способствует приобщению людей разных национальностей к русской культуре, литературе, традициям. Но политическая и экономическая составляющая взаимоотношений многих стран с Россией оказывала определённое влияние на политику изучения языка-посредника, функционирующего как языка межнационального и межэтнического общения.*

***Ключевые слова:** русский язык, Европейские страны, русская филология.*

УДК 81

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЕРБАЛИЗОВАННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С КОМПОНЕНТОМ «ГЛАЗА» В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ю.В. Дмитриева, кандидат филологических наук,
доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин
Соликамский государственный педагогический институт (филиал)
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Пермский государственный национальный
исследовательский университет» (Соликамск), Россия

***Аннотация.** Статья раскрывает понятие невербального языка глаз, особенности его словесного отражения, затрагивает вопрос определения его роли для межкультурного общения. В статье представлены отличительные особенности невербального поведения, в частности языка глаз, его вербализации в английском, немецком и русском языках для выражения эмоциональных состояний человека в процессе межкультурного общения. Автор знакомит с разнообразными средствами вербализации компонентов языка лица, которые обладают сходными и специфическими для определённой этнолингвокультуры особенностями языкового описания определённой эмоции в рассматриваемых языках.*

***Ключевые слова:** невербальное поведение, язык глаз, мимика, эмоциональное состояние, вербальное описание эмоций, свободное сочетание, фразеологическая единица, этнолингвокультура, сходство, различие.*

Мимика выступает как наиболее распространённый и важный невербальный компонент системы знаков в определённой коммуникативной ситуации и поэтому требует более детального рассмотрения.

Под мимикой понимают «значачие движения лицевой мускулатуры» [2, с. 392], статичными аналогами которых являются выражения лица. Авторы художественных произведений дают возможность читателям вербализованными описаниями зафиксированных в текстах мимических выражений понимать, какую информацию передает лицо участвующих в произведении героев: *to lift (to raise) one's eyes towards heaven – den Blick (zum Himmel) erheben – возводить взоры к небу.*

Мимика имеет не меньшее значение, чем языковые сообщения для того, чтобы получить представление об эмоциональном состоянии человека. Выражения глаз и различные компоненты языка лица и тела играют огромную роль в передаче эмоциональных переживаний. Распространённым является мнение, что мимика человека помогает делать вывод об его текущем эмоциональном состоянии. Эмоции отражаются в мускульной деятельности различных частей лица, а также могут быть представлены в процессе общения и в жестах, которые можно наблюдать внешне: кинемах рук, ног и головы, в телодвижениях человека и позах, которые он принимает.

Глаза являются важнейшей частью лица человека. Среди синонимичных слов «глаза», «очи», «зенки» лексема «глаза» представляет орган зрения живого существа. Очи представляют собой большие, выразительные и красивые глаза человека, характеризующие не только физические, но и его духовные способности к познанию мира, поэтому они считаются «внутренним зрением, органом интуиции» [11, с. 132–133].

Выражения и движения глаз имеют важное значение как в передаче различной информации, так и в несловесном отображении эмоций человека. Взгляд признан необходимым условием для установления любого контакта и его поддержания. Посредством определённых образцов поведения глаз осуществляется огромное количество бессловесных сообщений. Взгляд служит средством обмена информацией и средством регулирования процесса общения, поскольку глазами отправитель сообщения показывает, к кому обращены его слова, а получатель сообщения с помощью взгляда выражает готовность внимательно слушать и воспринимать речь собеседника.

Авторы художественных произведений создают в текстах вербальные описания движений глаз и взгляда для определения социального статуса персонажей, передачи разнообразных эмоциональных состояний, создания их образной характеристики.

В художественных произведениях возраст и социальный статус героя являются ведущими для определения направленности взгляда. Такая номинация, являясь словесным обозначением движений глаз, например, «отвести глаза» [5, с. 210]: *to look away* [7, с. 112], *to turn one's eyes away* [7, с. 112], *to avert one's eyes* [7, с. 112], характеризует состояние страха, стыда и многих других эмоциональных состояний, а также присутствует в ситуациях отказа от общения с кем-л. или при выражении такой эмоции, как смущение.

Особую значимость имеют вербальные описания взгляда, передающие различные эмоциональные состояния человека. Кинемы «делать большие глаза» [1, с. 20] (*to open one's eyes (to widen one's eyes on seeing smb. (smth.))*) [7, с. 110] – *große Augen machen* [13, с. 52]) и «моргать» [1, с. 16] (*to blink (to wink at smb.)*) [6, с. 53] – *zublinzeln ((mit den Augen) winken)* [12, с. 943]) выражают беспокойство, испуг, недоумение, раскаяние, растерянность или удивление.

Текстовый синоним лексемы «моргать» – «захлопать глазами» – стилистически маркированный, служит дополнительным средством указания на недоумение, растерянность и удивление персонажа [3, с. 136].

Лексические средства обозначения кинемы «покоситься» (*to give smb. a sidelong glance (to look askance at smb.)*) [6, с. 658] – *anschielen (von der Seite ansehen)* [12, с. 59]) встречаются в коммуникативных ситуациях при выражении вины, враждебного отношения, заинтересованности, неприязни или смущения. Фразеологическая единица «закатить глаза» [1, с. 19] (*to roll one's eyes (to turn up one's eyes)*) [6, с. 610] – *die Augen verdrehen (mit den Augen rollen)* [12, с. 862]) указывает на отсутствие терпения или восхищение.

Взгляд имеет большое значение для установления первого контакта. Его могут сопровождать и другие кинемы: кинемы бровей (*сдвинуть брови* [1, с. 8] – *to frown* [6, с. 966] – *die Brauen zusammenziehen* [14, с. 571]), кинемы губ (*поджать губы* [5, с. 114] – *to purse one's lips* [6, с. 349] – *die Lippen aufeinanderpressen* [14, с. 426]; *пожевать губами* [5, с. 126] – *die Lippen kauen* [12, с. 484]), другие мимические выражения, жесты рук и головы, изменения интонации голоса.

В.А. Маслова справедливо называет двигательную способность глаз специфической – «их зрачки находятся в движении, отсюда сочетаемость большого круга глаголов движения со словом «глаза» в языке» [11, с. 133]: *опускать глаза* [5, с. 204], *щурить глаза* [1, с. 22], *to avert one's eyes* [7, с. 112], *to measure smb. with one's eyes (to look up and down; to look smb. over)* [6, с. 262], *j-n. (etwas) mit den Augen verfolgen* [13, с. 53], (*nach j-m.) sich die Augen aussehen* [12, с. 105] и т.д.

Глаза являются органом «смотрения». Поэтому мы *прищуриваем глаза* [5, с. 71] (*to screw up one's eyes (to narrow one's eyes)*) [6, с. 387] – *die Augen zusammenkneifen* [14, с. 487])

от злобы, насмешливости или недоумения; *таращим (на к.-л.) глаза* [5, с. 124] (*to open one's eyes wide (to stare at smb. (wide-eyed)* [7, с. 110] – *glotzen (die Augen (weit) aufreißen; Stielaugen machen)* [14, с. 100]) при выражении гнева, недоумения, растерянности, страха, удивления; *глаза на лоб лезут* [4, с. 94] (*smb. 's eyes nearly started from (out of) one's head* [4, с. 94] – *j-m. fielen beinahe die Augen aus dem Kopf (die Augen quellen j-m. aus dem Kopf)* [13, с. 50]) в ситуации удивления или страха.

Такой компонент языка лица играет важную роль во фразеологической системе рассматриваемых языков, так как данный орган человеческого организма принимает непосредственное участие в познании окружающего мира, что отражено в огромном количестве фразеологизмов, например: *to devour smb. (smth.) with one's eyes (to feast one's eyes on smb. (smth.))* – *j-n. (etwas) mit den Augen (mit Blicken) verschlingen* – *есть (пожурать) глазами к.-л. (ч.-л.):*

She turned her head after him like a sunflower following the sun, she devoured him with her eyes [7, с. 115]; *Er hörte gar nicht mehr auf meine Worte. Er saß da und verschlang die Blondine förmlich mit den Augen* [13, с. 53]; *Юра пожирал обоих глазами. Из полутьмы, в которой никто не мог его видеть, он смотрел, не отрываясь в освещённый лампою круг* [15, с. 61].

Глаза предполагают восприятие визуальной информации: *to be all eyes – ganz Auge sein* – *смотреть во все глаза (смотреть в оба (глаза))* – *быть внимательным, смотреть с большим вниманием:*

Sanya had never been here and was all eyes [7, с. 110]; *Als die Experimente mit flüssiger Luft begannen, war jeder von uns ganz Auge* [13, с. 48]; *Я не понимала, я стояла перед ним и смотрела на него во все глаза в изумлении (Ф. Достоевский)* [4, с. 94].

Взгляд показывает отношение человека к окружающим людям и обстановке, а также выражает его внутреннее состояние в данный момент речи: *to look smb. straight (right, square, firmly) in(to) the eyes (face)* – *j-m. gerade (direkt) in die Augen (das Gesicht) sehen* – *смотреть прямо в глаза к.-л.; to lower (to drop) one's eyes* – *die Augen niederschlagen (den Blick senken)* – *опускать глаза:*

When he surfaced, their faces were close together and Hopper was looking straight into his eyes (J. Wain) [17, p. 372]; *“... Sie sah mir direct in die Augen! So, Herr, jetzt wissen Sie alles”* (Ingo Schulze) [1, S. 207]; *Он посмотрел мне прямо в глаза и спокойно сказал: – Не понимаю, почему обязательно надо человека обидеть? Неужели другого слова подобрать нельзя?* [16, с. 78].

He lowered his eyes quickly and concentrated on the hands before him (W. Sansom) [17, p. 311]; *Und doch war es Reinhardt, der seine Augen zuerst niederschlug und ganz bestürzt und verlegen sagte: “Du, Fiedler! Ich wollte dich eben besuchen”* [18, S. 378]; – *Я ведь не знаю этого, – сказала графиня, виновато опуская глаза* (Л. Толстой) [Цит. по: 5, с. 194].

Глаза являются важнейшим компонентом в межкультурной коммуникации, а их огромная роль подтверждается тем, что они помогают передать эмоциональное состояние человека. Например, лексическими и фразеологическими единицами, выражающими удивление, являются следующие: *делать большие глаза, расширить глаза, захлопать глазами* и т.д., например: – *Да разве вы не слышали? Ведь я выхожу замуж за Петра Егорыча. – Замуж? – удивился я, делая большие глаза ... – За какого Петра Егорыча?* (А. Чехов) [Цит. по: 5, с. 240].

В английском языке удивление передаётся такими лексическими единицами и фразеологическими оборотами, как *to open one's eyes, to widen one's eyes (on seeing smb. (smth.)), to clap one's eyes:*

He looked up suddenly, transfixed, and his brown eyes, so soft and luxuriously widened, looked straight at her: “You want to?” he said [9, p. 63]. В немецком языке присутствует эквивалентная единица (*große*) *Augen machen*, как в примере: *Mein Vater machte große Augen, nahm ganz langsam seine Kappe ab und blickte sich staunend um* (Bernhard Hagemann) [8, S. 19].

Сопоставительное изучение особенностей языковой номинации невербального поведения трёх наций предполагает изучение как словесных, так и невербальных коммуникативных средств для установления сходных особенностей этикетного поведения одной нации в определённых ситуациях общения, а также выявления их отличий от системы принятых правил поведения в других культурах.

Англоязычные собеседники дольше, чем их русские партнёры, смотрят на партнёра перед вступлением в контакт с ним: *to look fixedly at smb.* [9, с. 41]. Носители английского языка рассматривают отсутствие долгого контакта взглядом как проявление неискренности. Русскоязычные собеседники полагают, что их партнёры из Англии прибегают к использованию довольно интенсивного взгляда. При этом прямой взгляд в глаза и улыбка означают внимательность, интерес к партнёру, готовность начать и продолжить разговор с ним: *to look smb. straight (firmly) in(to) the eyes (face)* [7, с. 114].

Взаимодействие собеседников, сопровождающееся использованием контакта глаз, может иметь разный результат. Одной из свойственных носителям русской культуры особенностей невербального поведения является редкий контакт глаз говорящего в глаза слушающему. Контакт глаз обычно осуществляется в конце выступления: *глядеть в сторону* [1, с. 18], *избегать смотреть на к.-л.* [5, с. 210], *не глядеть на к.-л.* [1, с. 17], *не знать, куда девать глаза* [5, с. 211], *не поднимать глаза (от стола)* [5, с. 194], *опускать глаза* [1, с. 18], *отвести глаза* [5, с. 210], *глаза бегают* [5, с. 18], *глаза смотрели куда-то вдаль* [5, с. 26] и т.п.

В процессе общения западноевропейских народов принято смотреть собеседнику прямо в глаза: *to look smb. straight (right, square, firmly) in(to) the eyes (face)* [7, с. 114], *to fasten (to fix) one's eyes on smb. (smth.)* [7, с. 115], *to have one's eyes on (fixed on; glued to) smb. (smth.)* [7, с. 115], *to keep one's eyes peeled* [7, с. 105] – *j-m. gerade (direkt) in die Augen (das Gesicht) sehen* [13, с. 50], *ganz Auge sein* [13, с. 48], *j-n. (etwas) anglotzen* [12, с. 51], *kein Augen von j-m. (etwas) abwenden [lassen]* [13, с. 48].

Англичане, согласно полученным данным, предпочитают такие мимические движения и жесты, как, например, *to open one's eyes (wide)* [7, с. 110] – *выкатить глаза* [5, с. 223], *вытаращить глаза* [5, с. 124], *выпучить глаза* [1, с. 27], *смотреть большими (круглыми, широко раскрытыми) глазами на к.-л.* [1, с. 27], *to frown* [6, с. 185] – *морщиться (наморщить брови (лоб))* [1, с. 8], *нахмуриться* [1, с. 8], *хмурить брови* [1, с. 8].

Это позволяет утверждать, что представители данной нации довольно сдержаны и закрыты в выражении эмоций в обществе, так как подобные лексические единицы и фразеологические обороты используются для выражения гораздо большего числа эмоций в русском языке, что подтверждается наличием в нем более разнообразных эквивалентных единиц, различных по передаваемой семантике и сферам их применения, т.е. стилистической окраске.

Англичане подчиняют строгому контролю выражения лица и все двигательное поведение тела в целом. Носители английского языка передают эмоции с неизменным выражением лица. Они реже, чем русскоязычные, проявляют соматические реакции. Частое моргание англичан означает беспокойство, внимание, гнев, насмешливость, сострадание и т.д.: *to wink at smb.* [6, с. 493], у русских – недоумение, раскаяние, растерянность или удивление: *захлопать глазами* [1, с. 16].

Кроме того, в немецком языке используются более сдержанные в пространстве элементы невербального поведения для описания разнообразных эмоциональных состояний и, следовательно, менее распространённые по своему лексическому составу вербализованные описания движений глаз и выражений лица: *anschielen* [12, с. 59], *blinzeln* [12, с. 163], *den Blick von j-m. zu j-m. wenden* [12, с. 162], *glotzen* [12, с. 377], *j-n. anblicken* [12, с. 46], *(mit den Augen) winken* [12, с. 922].

Что касается языка лица и мимических жестов, то проанализировав имеющиеся лексико-фразеологические средства, можно сформулировать следующие выводы: поскольку в русскоязычной культуре, предполагающей вербальные выражения эмоциональных состояний,

высока роль понимающих и сочувствующих взглядов при обмене какими-либо эмоциями или обсуждении каких-либо тем между представителями данной этнолингвокультуры, то, соответственно, в русском языке следует назвать такие сочетания, передающие оценку поведения или состояния адресата, как *смотреть дружелюбно, приветливо, раздражённо, добродушно, с сожалением, не спускать (не сводить) глаз с к.-л., бросать взгляд на к.-л.* и другие выражения, которые доказывают такие черты русского национального характера, как стремление к коммуникации, коллективность общения, тематическое разнообразие и т.д.

Кроме того, в русском языке присутствует ряд свободных и устойчивых выражений, указывающих на такие особенности поведения, как искренность, общительность, открытость, радушие, характерные для носителей русской лингвокультуры: *вскинуть на к.-л. глаза* [1, с. 18], *глядеть к.-н. прямо в глаза* [1, с. 22], *задержать взгляд на к.-л. (ч.-л.)* [1, с. 13], *не отрывать взгляд* [1, с. 18], *просмотреть (все) глаза* [4, с. 378], *проводить глазами* [11, с. 13].

Анализ свободных и устойчивых словосочетаний в русском языке позволил выявить ряд единиц, не имеющих соответствующих эквивалентов в двух других языках. Данное свидетельство указывает на то, что стереотипы поведения, предполагающие указанные выше черты, присущи только русским, что указывает на этнокультурную специфику рассматриваемых единиц, к которым можно отнести такие фразеологические словосочетания, как *указывать глазами (взглядом) на к.-л. (ч.-л.)* [11, с. 22], *манить глазами (взглядом)* [11, с. 16], *вперить тяжёлый взгляд* [1, с. 12] и т.д.

Представленная ниже сопоставительная таблица рассматриваемых единиц и словосочетаний трёх языков наглядно показывает, что такой компонент языка лица, как глаза, является преобладающим и, следовательно, наиболее значимым в процессе межкультурной коммуникации.

Классификация лексико-фразеологических средств, отражающих невербальные формы поведения (мимика)

Поведение лица		
Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
«глаз» – 220 – 50,8 %	«eye» – 162 – 58,4 %	«Auge» – 154 – 64 %
«лицо» – 82 – 18,9 %	«face» – 65 – 23,4 %	«Gesicht» – 52 – 21,6 %
«губы» – 56 – 12,9 %	«lips» – 17 – 6,1 %	«Lippen» – 14 – 5,83 %
«рот» – 33 – 7,6 %	«mouth» – 13 – 4,69 %	«Mund» – 12 – 5 %
«брови» – 28 – 6,4 %	«nose» – 12 – 3,9 %	«Nase» – 5 – 2 %
«нос» – 14 – 3,2 %	«eyebrows» – 9 – 3,2 %	«Augenbrauen» – 3 – 1,25 %
Всего: 433 единицы	Всего: 278 единиц	Всего: 240 единиц

Таким образом, определённые компоненты языка лица передают контекстуально закреплённые значения. Наличие значительного количества примеров описания невербального поведения с участием глаз человека в анализируемых художественных произведениях в трёх языках говорит о том, что писатели активно прибегают к использованию данных словосочетаний для создания образной характеристики персонажей, познания их внутреннего мира, поведения, взаимоотношений с окружающими людьми посредством описания их эмоциональных состояний в различных коммуникативных ситуациях.

Приняв во внимание все вышесказанное, можно отметить, что мимика чрезвычайно важна в ежедневном процессе общения между носителями одной культуры, но вызывают значительные затруднения в межкультурном взаимодействии, на что указывают многочисленные теоретические и прикладные исследования в области невербальной семиотики и поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акишина, А.А. Мимика и жесты в русской речи: лингвострановедческий словарь / А.А. Акишина и др. – М.: Русский язык, 1991. – 144 с.
2. Верещагин, Е.М. Язык и культура: три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Индрик: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2005. – 1037 с.
3. Голованова, И.А. Репрезентация невербального поведения в русских и немецких художественных текстах: сопоставительный аспект: дис. ... канд. филол. наук / И.А. Голованова. – Новосибирск, 2009. – 205 с.
4. Гуревич, В.В. Краткий русско-английский фразеологический словарь / В.В. Гуревич, Ж.А. Дозорец. – М.: Рус. яз., 1988. – 583 с.
5. Дмитриева, Л.И. Словарь языка жестов / Л.И. Дмитриева. – АСТ, Астрель, Русские словари, Ермак, 2003. – 320 с.
6. Дубровин М.И. Современный англо-русский и русско-английский словарь: 4-е изд., стереотип. / М.И. Дубровин. – М.: Цитадель-трейд: РИПОЛ КЛАССИК: Дом. XXI век, 2007. – 992 с.
7. Квеселевич, Д.И. Русско-английский фразеологический словарь: 3-е изд., стереотип. / Д.И. Квеселевич. – М.: Рус. яз., 2001. – 705 с.
8. Коляда, Н.А. Базовый курс немецкого языка: книга для чтения / Н.А. Коляда, К.А. Петросян. – Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – 304 с.
9. Лоренс, Д.Г. Принцесса и другие рассказы (На английском языке) / Д.Г. Лоренс. – М.: Цитадель, 2002. – 240 с.
10. Лубенская, С.И. Большой русско-английский фразеологический словарь: 2-е рус. изд. / С.И. Лубенская. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. – 1056 с. (БРАФС)
11. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 202 с.
12. Немецко-русский словарь: под ред. А.А. Лепинга и Н.П. Страховой. Изд. 5-е, стереотип. – М.: Сов. Энциклопедия, 1968. – 991 с.
13. Немецко-русский фразеологический словарь / Сост. Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришин (Под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола): 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1975. – 656 с. (НРФС)
14. Никонова, О.Н. Русско-немецкий словарь: изд. 7-е, испр. и доп. / О.Н. Никонова, М.Я. Цвиллинг. – М.: Русский язык, 1977. – 760 с.
15. Пастернак, Б.Л. Доктор Живаго: роман. – Пермь: Книжное изд-во, 1990. – 575 с.
16. Хемметт, Д. Красная жатва; Мальтийский сокол: романы. Чандлер Р. Дама в озере: пер. с англ. – М.: Молодая гвардия, 1992. – 576 с.
17. Making It All Right. Modern English Short Stories. Moscow: Progress Publishers, 1978. – 462 p.
18. Seghers A. Das Siebte Kreuz (Roman). – Berlin: Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1964. – 424 s.

Материал поступил в редакцию 09.04.18.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE VERBALIZED PHRASES WITH THE COMPONENT "EYE" IN THE ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES

Yu.V. Dmitriyeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
at the Department of Social and Humanitarian Disciplines
Solikamsk State Pedagogical Institute Branch of Federal State-Funded Higher Educational
Institution "Perm State National Research University" (Solikamsk), Russia

***Abstract.** The article reveals the concept of nonverbal language of eyes, peculiarities of its verbal reflection, touches upon the question of determining its role for intercultural communication. The article presents the distinctive features of nonverbal behavior, in particular the language of eyes, its verbalization in the English, German and Russian languages to express the emotional states of a person in the process of intercultural communication. The author introduces a variety of verbal means of nominating the components of face, which have similar and specific to a certain ethno-lingual features of the language description of a certain emotion in the languages under consideration.*

***Keywords:** nonverbal behavior, nonverbal language of eyes, facial expressions, emotional state, verbal description of emotions, free combination, phraseological unit, ethno-lingual culture, similarity, difference.*

Для заметок

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал

№ 3 (15), май / 2018

Адрес редакции:
Россия, 400081, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312.
E-mail: sciphilology@mail.ru
<http://sciphilology.ru/>

Изготовлено в типографии ООО «Сфера»
Адрес типографии:
Россия, 400105, г. Волгоград, ул. Богунская, 8, оф. 528.

Учредитель: ООО Издательство «Научное обозрение»

ISSN 2414-4452

Редакционная коллегия:
Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук
Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук
Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 15.05.2018 г. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Заказ № 23. Свободная цена. Тираж 100.